

СЕРИЯ «СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА БЕЗДНЫ» • КНИГА 1

НЕЙТОН ПАТЧЕР

ПЕПЕЛЬНЫЙ
ПРИЛИВ

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА БЕЗДНЫ

LITRPG • ТЕМНОЕ ФЭНТЕЗИ

Нейтон Патчер

**Смотритель Маяка Бездны:
Пепельный Прилив**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Смотритель Маяка Бездны: Пепельный Прилив / Н. Патчер —
«Автор», 2026

Родион Валеv, инженер оптических квантовых систем и ветеран арктических маяков, переносится Системой на самый край обитаемых миров — Архипелаг Забвения. Вокруг бушует Великий Пепельный Океан, порождающий левиафанов Бездны, а на скале стоит циклопический каменный маяк древних. Все остальные бежали, посчитав класс смотрителя смертным приговором без боевых навыков. Но в крио-капсуле маяка спит его дочь Полина, зараженная пепельной коррозией, и свет башни — единственное, что спасает ее жизнь. Родион берет в руки инструменты и начинает перенастраивать оптику древнего обелиска, пробудив класс. Обычные маги считают свет маяка безвредным фонарем, пока Родион не фокусирует луч через квантовые микро-призмы в гипер-лазерную иглу, способную разрезать пополам океанских чудовищ и пиратские дредноуты. Свет укажет путь, а непокорных сожжет дотла!

© Патчер Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Башня на краю света	6
Глава 2. Старик Люмен и оптическая схема	17
Глава 3. Первый луч и класс [Фотонный Смотритель]	26
Глава 4. Пепельный Прилив первой волны	34
Глава 5. Пираты Мертвого Рифа	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Нейтон Патчер Смотритель Маяка Бездны: Пепельный Прилив

НЕЙТОН ПАТЧЕР

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА БЕЗДНЫ:

ПЕПЕЛЬНЫЙ ПРИЛИВ

Серия «Смотритель Маяка Бездны» • Книга 1

Глава 1. Башня на краю света

Пространственный переход всегда отдавал во рту привкусом жженой меди и могильного холода, но на этот раз к ним примешалась отчетливая горечь чужого погребального костра.

Реальность схлопнулась с глухим, чавкающим звуком, словно гигантская пасть перекусила хребет пространственно-временного тоннеля. Родиона Валева швырнуло вперед. Тяжелые кованые сапоги из чешуи глубинного левиафана со скрежетом пропахали влажный настил, высекая тусклые зеленоватые искры из покрытого коррозией металла. Инерция многотонного давления попыталась впечатать его в пол, но укрепленные титановыми связками колени выдержали.

Родион замер в низкой боевой стойке. Пальцы в потертых латных перчатках рефлекторно легли на рукоять тяжелого одноручного тесака, висевшего на правом бедре, а левая рука уже чертила в воздухе полукруг защитной печати. Сердце мерно отбивало глухие удары в груди — ровно пятьдесят ударов в минуту, выверенный ритм закаленного в тысячах стычек ветерана.

Атаки не последовало. Был только ветер.

Дикий, пронзительный, насыщенный запахом мертвой соли и мелкой колкой крошкой, он ударил в лицо с такой яростью, будто пытался содрать кожу со скул. Родион медленно выпрямился, стряхнув с ресниц едкую серую пыль, и шумно втянул воздух сквозь зубы.

Перед ним расстилалась бездна.

Он стоял на узкой полукруглой смотровой площадке, венчавшей полуразрушенную циклопическую башню. Под ногами, на высоте по меньшей мере трехсот метров, отвесный базальтовый утес — Мыс Забвения — врезался клином в бушующие просторы Великого Пепельного Океана.

Это не была вода в привычном понимании смертных миров. Внизу, вздымаясь тяжелыми, маслянистыми валами цвета сырого свинца, перекачивалась колоссальная масса жидкого праха, перемешанного с первородной тьмой. Волны с громоподобным ревом разбивались о черные прибрежные скалы, похожие на обломанные клыки погребенного титана. При каждом ударе в воздух взмывали тысячи брызг, но они не рассеивались белой пеной — они вспыхивали ядовитыми фосфоресцирующими искрами цвета гнилой бирюзы и оседали на камнях комьями липкой, дымящейся золы.

Небо над головой напоминало вывернутое наизнанку брюхо чудовища: рваные, цвета запекшейся крови облака волоклись так низко, что, казалось, цеплялись за покосившийся шпиль маяка. Ни солнца, ни звезд. Лишь далекие, беззвучные сполохи багровых молний глубоко в пелене горизонта озаряли бесконечную, безжалостную пустоту.

Воздух дрогнул. Перед глазами Родиона, разрывая серое море, с тихим стеклянным звоном возникли первые строчки Системного интерфейса. Шрифты пульсировали предупреждающим багрово-золотым свечением, оставляя на сетчатке мерцающие следы.

СИСТЕМНЫЙ ПРОТОКОЛ ПРИБЫТИЯ ||

|| Локация: Пограничье Бездны, Сектор Ноль-Омега ||

|| Точка привязки: Мыс Забвения, Опорный Пункт № 7 «Астральный Свет» ||

|| Статус субъекта: Родион Валев (Класс: Смотритель Рубежа, ранг S) ||

|| Состояние среды: Критическое. Фон энтропии: 78.4% ||

|| Внимание: Глобальная синхронизация завершена со сбоями. ||

Строчки сменились новым блоком, и тон системного сообщения стал жестче, отсекая любые иллюзии:

[Внимание! Вы вступили в права владения объектом: Маяк Астрального Света]
[Текущая целостность цитадели: 14.2%]
[Главный эфирный контур: ОБЕСТОЧЕН]
[Фокусирующая линза Кеплера: КРИТИЧЕСКОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ (раскол ядра)]

[Защитный барьер «Сфера Рассвета»: НЕАКТИВЕН]

[Внешний периметр обороны: РАЗРУШЕН на 91%]

ОСНОВНОЙ ПРИКАЗ РУБЕЖА:

1. Восстановить базовую циркуляцию эфира до наступления Пепельного Прилива.

2. Не допустить прорыва тварей Бездны к основанию башни.

3. Обеспечить жизнедеятельность нулевого горизонта цитадели.

ТАЙМЕР ДО НАЧАЛА ПЕРВОГО ПРИЛИВА:

[05 : 59 : 42]

[05 : 59 : 41]

[05 : 59 : 40]...

— Шесть часов, — глухо проговорил Родион. Его голос, хриплый и жесткий, потонул в завывании ветра. — Всего шесть жалких часов на руины, которые строились десятилетиями.

Но системные часы были наименьшей из проблем. Пальцы мужчины сжались в кулаки с такой силой, что металлические пластины перчаток заскрежетали, сминаясь на стыках. Его взгляд скользнул мимо таймера, выискивая единственную строчку, ради которой он продал свою душу Системе, отказался от триумфа в Высших Пределах и шагнул в это проклятое чистилище.

Словно повинувшись его безмолвному требованию, интерфейс дернулся, и на передний план выплыло особое окно. Оно не сияло золотом — его окантовка была выкрашена в цвет бледного хрусталя, подернутого ледяной изморозью.

|| АВТОНОМНЫЙ МОДУЛЬ: КРИОСТАЗ «КОЛЫБЕЛЬ-7» ||

|| Пациент: Полина Валева (9 лет) ||

|| Статус: Глубокий анабиоз / Подавление души ||

|| Диагноз: Синдром Пепельного Разложения (Терминальная стадия) ||

|| Целостность защитного кокона фундамента: 37.8% ||

|| Энергетический резерв капсулы: 6 часов 14 минут ||

|| ||

|| ВНИМАНИЕ: При пробое защитного контура фундамента или прекращении ||

|| подачи очищенного астрального света, скорость пепельного ||

|| заражения возрастет в 40 раз. ||

|| ВРЕМЯ ДО НЕОБРАТИМОЙ КРИСТАЛЛИЗАЦИИ ДУШИ: 18 минут после пробоя.

||

Перед глазами Родиона на мгновение возникло бледное, осунувшееся личико дочери. Тонкие ресницы, по которым струились едва заметные серые прожилки — след проклятия Бездны, выжигающего саму ткань духовного тела. Она спала уже два года реального времени, пока он рвал зубами глотки архидемонам в Разломах Девятого Уровня, зарабатывая очки трансфера, выбивая древние чертежи и умоляя равнодушных Администраторов Системы об единственном шансе.

«Маяк на краю Пепельного Океана — единственное место, где сходятся астральные токи первозданной чистоты, — звучал в его памяти бесстрастный голос системного оракула. —

Зажги его, человек. Стань его Смотрителем. Купай ее колыбель в лучах неискаженного Света, и пепел отступит. Но если пламя угаснет хоть на миг — Океан заберет ее первое всех».

— Я здесь, Поля, — прошептал Родион одними губами, чувствуя, как внутри разгорается тяжелая, холодная ярость. — Я здесь. И этот огонь не погаснет, даже если мне придется бросить в топку весь этот чертов океан.

Он резко развернулся спиной к ревущей бездне и принялся методично оценивать обстановку. Жалость к себе и эмоции были непозволительной роскошью; в мирах высокого ранга выживали не те, кто страдал, а те, кто умел считать секунды и ресурсы.

Площадка, на которой он находился, представляла собой верхнюю галерею Маяка Астрального Света. Когда-то это сооружение было шедевром магической инженерии титанов. Башня вздымалась над мысом, словно граненый шип из черного звездного гранита, сплавленного с мифриловыми прожилками. Однако века забвения и непрекращающиеся штормы Бездны превратили твердыню в руины.

Родион шагнул к центру галереи, где под куполом из разбитых витражей покоилось сердце маяка.

Зрелище было удручающим.

Фокусирующая Линза Кеплера — массивный шар из гипер-кварца диаметром около четырех метров — сорвалась с верхних латунных подвесов и накренилась набок, заклинив в шестеренчатом кольцевом приводе. Через всю ее толщу пролегла глубокая, уродливая трещина, из которой сочилась тусклая, белесая дымка — остаточный астральный пар, рассеивающийся в пустоту. Вокруг линзы громоздились тяжелые медные дуги отражателей, покрытые хлопьями зеленой окиси и спекшейся жирной копоти.

Родион подошел вплотную и положил ладонь на грань кристалла. Активировался профессиональный навык Смотрителя:

[Диагностика узла: Первичный Фокус «Астрального Света»]

- Структурное повреждение ядра: 62%
- Проводимость маны: 11% от номинала
- Состояние юстировочных колец: Деформация термического генезиса
- Требуется для запуска:

1. Очистка станины от пепельного шлака (0/100 кг)
2. Заполнение микротрещин жидким лунным серебром или концентрированной маной рассвета (0/40 литров)
3. Калибровка направляющих призм.

— Станина забита шлаком, редукторы заклинило... — вслух констатировал Родион, опускаясь на одно колено.

Он заглянул в сервисный люк под шарнирным основанием. Там, в переплетении погнувшихся трубок и силовых кабелей, копошилась темная масса. При его приближении масса зашевелилась. Десятки тонких, суставчатых лапок заскребли по металлу, и из темноты на него воззрились шесть пар бусинок-глаз, горящих фосфорным огнем.

[Обнаружена инвазия: Пепельные Трупоеды-Древоточцы, Уровень 42]

Количество: 1 гнездо (около 18 особей).

Угроза: Засорение питающих каналов, разъедание проводников маны.

— Пошли вон из моего механизма, твари, — процедил сквозь зубы Родион.

Его рука метнулась к бедру. Тесак «Клеймо Рассвета» покинул ножны с тихим шелестом вспыхнувшего пламени. Лезвие, выкованное из метеоритной стали с примесью солнечной соли, мгновенно озарилось густым золотым сиянием. Родион не стал тратить драгоценную ману на заклинания широкого спектра — вместо этого он вогнал клинок прямо в щель люка, активируя пассивное свойство оружия: «[Очищающий Разряд]».

Раздался ослепительный треск. Волна золотистых молний брызнула во все стороны по латунным ребрам механизмов. Внутри люка раздался истошный визг, запахло паленой органикой и горелой смолой. Черные, скрюченные тельца тварей, похожих на помесь скорпионов с наростами кораллов, посыпались на плиты настила, мгновенно рассыпаясь в безвредный серый песок под действием священного жара.

[Уничтожено гнездо Пепельных Трупоедов. Получено: 3 400 опыта (заблокировано Системой Рубежа)]

[Получен материал: Пепельный Хитин (низкое качество) x 12]

[Канал подачи маны частично освобожден: проводимость повышена до 18%]

Родион даже не взглянул на системное сообщение о блокировке опыта. Здесь, на Погра-ничье, действовали совсем иные законы. Личные уровни значили мало; единственным мерилом силы и шансом на спасение было состояние Маяка. Башня была продолжением его собственного тела, его новой броней и его оружием.

Он поднялся на ноги, вытер лезвие тесака о кожаную накладку штанов и подошел к винтовой лестнице, уходящей вниз, в чернеющую пасть центральной шахты башни.

Нужно было спуститься на нулевой горизонт. К Полине. И к главному Эфирному Горну.

Спуск представлял собой отдельное испытание. Ступени из рифленого чугуна во многих местах обвалились, оставив лишь зияющие провалы, сквозь которые гуляли ледяные сквозняки. Шахта маяка внутри напоминала внутренности мертвого титана: массивные бронзовые поршни диаметром в несколько метров замерли в своих направляющих, застывшие водопады запекшегося машинного масла свисали с технологических платформ, а вдоль стен змеились километры толстых кабелей в истлевшей тканевой оплетке.

Каждый шаг Родиона отдавался тяжелым, гулким эхом, улетающим вниз и растворяющимся во тьме.

«Пять часов и сорок восемь минут», — отсчитал внутренний хронометр.

С каждым пролетом температура падала. Если на смотровой площадке ярость ветра создавала ощущение сухого, иссушающего холода, то здесь, в утробе башни, воздух был промозглым, сырым и неподвижным. Стены покрывал толстый слой черного мха, который едва заметно пульсировал в такт ударам океанских волн снаружи. Это была не земная растительность, а стигийская плесень — паразит, питающийся застойной энергией умирающих миров.

Родион шел быстро, перепрыгивая через разрушенные пролеты по три-четыре метра за раз, амортизируя падение с помощью физической мощи своего ранга.

Через три сотни ступеней лестница оборвалась перед монументальными двустворчатыми воротами, отлитыми из темного титана. Поверх металла были выгравированы защитные глифы древней солнечной школы, но сейчас большинство из них потускнели, заплыв жирной гарью. Врата были полуоткрыты — в щель шириной не более полуметра легко мог протиснуться рослый человек.

Родион протиснулся внутрь, и его дыхание на мгновение перехватило.

Это был Зал Горна — энергетическое сердце цитадели.

Помещение поражало масштабами: циклопическая круглая зала с тридцатиметровыми потолками, опирающимися на восемь массивных колонн из черного базальта. В центре зала, в глубоком колодце, покоился Реактор «Слеза Сириуса». Он представлял собой гигантскую сферу из многослойной зачарованной бронзы, оплетенную сотнями труб и клапанов высокого давления. Сейчас сфера молчала. Ни гула турбин, ни мерного пульсирования плазмы. Лишь в смотровом иллюминаторе реактора плавал жалкий, размером с грецкий орех, сгусток лазерного пламени — искра Первородного Эфира, медленно угасающая в окружении наступающего холода.

[Диагностика узла: Главный Реактор «Слеза Сириуса»]

- Статус: Режим глубокой консервации (угасание)

- Температура ядра: 140°C (Критически низкая)
- Запас эфирного топлива: 2.1%
- Давление в магистралях: 0.4 атм
- Автозапуск невозможен. Требуется ручной розжиг и очистка шлаковых камер.

Но Родион даже не задержался у реактора. Его взгляд был прикован к дальней части зала, где, возвышаясь над полом на ступенчатом постаменте, мерцал купол из чистейшего сапфирового света.

Он сорвался на бег. Звон лат гулко раскатился под сводами заброшенного зала.

Постамент был вырезан из монолитного белого мрамора, испещренного тончайшей золотой вязью рун стабилизации жизни. Внутри сапфирового купола, покоясь на ложе из жидкого питательного геля, находилась продолговатая капсула из прозрачного хрусталя и темного серебра.

«Колыбель-7».

Родион замедлил шаг, словно боясь вспугнуть хрупкую тишину, царящую вокруг саркофага. Он подошел к капсуле вплотную и опустился на колени. Сняв тяжелую латную перчатку, он коснулся дрожащими, мозолистыми пальцами ледяной поверхности хрусталя.

Под стеклом спала Полина.

Ее лицо казалось пугающе безмятежным, почти кукольным. Длинные темно-русые волосы свободно плавали в прозрачной амниотической жидкости. Ручки были аккуратно сложены на груди, поверх простого белого балахона. Но иллюзия покоя разрушалась, стоило приглядеться ближе: по бледной коже шеи, поднимаясь от ключиц к тонкой челюсти, ветвились тонкие, пепельно-серые бороздки. Они медленно пульсировали едва различимым матовым светом, напоминая застывшие трещины на фарфоре.

Болезнь пожирала ее. Даже криостаз высшего уровня, созданный на пике технологического могущества Павших Империй, лишь замедлял этот процесс, но не мог остановить его полностью.

Над саркофагом замигала миниатюрная проекция системной панели:

[Мониторинг жизненных показателей]

Субъект: Полина Валева

Пульс: 4 уд/мин

Нейронная активность: 1.2% (Фаза нулевого сна)

Индекс пепельной эрозии души: 64.3% (+0.08% за каждые 24 часа покоя)

Критический порог: 80% (наступает необратимая деградация духовного тела)

Внешний статус: Вне опасности.

Угроза: Истощение запаса маны в контуре стабилизации. До отключения барьера: 05:44:12.

Родион прижал лоб к холодному стеклу. Металл его наплечников тихо звякнул.

— Я дошел, маленькая моя, — выдохнул он, и голос его дрогнул впервые за долгие месяцы непрерывной резни. — Я нашел его. Этот маяк станет твоим исцелением. Слышишь? Я заставлю его светить. Чего бы мне это ни стоило.

Она не могла ответить. Лишь один из пепельных узоров на ее щеке дрогнул, словно темная сила внутри нее насмеялась над клятвами смертного.

Мужчина закрыл глаза, сделал один глубокий вдох, вымораживая из сознания любую слабость, и поднялся. Взгляд его снова стал острым, как бритва. Время сентиментов вышло; началось время выживания.

Пять часов и сорок три минуты.

Родион вернулся в центр зала к колодцу реактора и развернул перед собой расширенный интерфейс Смотрителя. В воздухе вспыхнула многослойная голографическая схема Маяка Астрального Света: высокое коническое тело башни, сложная паутина труб, распределитель-

ные щиты, подземные резервуары и три кольца внешних защитных фортификаций на скалах мыса.

Почти вся схема пылала тревожным алым цветом.

— Итак, расклад паршивый, но бывало и хуже, — вслух произнес Родион, анализируя узловые точки. — Чтобы встретить Пепельный Прилив, мне нужно три вещи. Первое: запустить Горн, чтобы подать питание на нижний контур и не дать погаснуть барьеру Полины. Второе: прочистить дренажные шлюзы фундамента, иначе первая же волна тяжелого пепла захлестнет воздухозаборники и задушит реактор шлаком. Третье: поднять хотя бы малый защитный купол над самой башней, иначе нас просто сметет кинетическим ударом стихии.

Он открыл системный инвентарь Смотрителя — бездонное пространственное хранилище, в которое были упакованы все его скудные припасы, накопленные перед трансфером.

[Инвентарь Смотрителя: Пространственный Склад ранга 'А']

Доступные ресурсы:

- Слитки звездной бронзы: 48 шт.
- Концентрированная эссенция огня (ранг 4): 12 сфер.
- Рунные пластины поглощения: 6 шт.
- Ремонтный набор артефактора (универсальный): 1 комплект.
- Магические кристаллы маны (средняя чистота): 150 шт.
- Алхимический растворитель «Раствор Сольвея»: 5 склянок.
- Сухой паек штурмовых частей: 30 рационов.

Этого было чудовищно мало для восстановления имперского маяка, но вполне достаточно для полевого аварийного ремонта. Родион не собирался строить дворец — ему нужен был рабочий пулемет, способный стрелять в надвигающуюся тьму.

— Начнем с сердца, — решил он.

Родион сбросил тяжелый боевой плащ, оставшись в плотном кожаном поддоспешнике, стянутом ремнями, и подошел к сервисному терминалу Реактора. Рука привычно легла на латунный рычаг продувки камер.

С металлическим стоном рычаг сдвинулся с мертвой точки. В глубине сферического корпуса что-то утробно заскрежетало, захлебнулось сухим свистом, и из нижних клапанов вырвалось облако серой, дурно пахнущей пыли.

[Внимание! Попытка продувки топливных магистралей...]

[Ошибка 404: Засор инжекторов 1, 3 и 4]

[Шлаковая пробка в камере вторичного горения: плотность 89%]

[Внимание: Ручной доступ заблокирован аварийным замком. Требуется Сила > 65 или навык Взлом Магических Механизмов ранга Мастер]

Родион оскалился. Его параметр Силы с учетом пассивных модификаторов ранга S составлял 82 единицы.

Подойдя к круглому аварийному люку камеры вторичного горения, он перехватил четырехлучевой чугунный маховик замка обеими руками. Мускулы под кожей натянулись, как стальные тросы. По венам хлынула золотистая мана, раздувая вены на шее и предплечьях.

— Пошла!.. — прорычал он.

Металл взвизгнул от нечеловеческого напряжения. Старые закисшие болты скрипнули, срезая слой вековой ржавчины. С глухим щелчком первый упор поддался. Родион повернул маховик на пол-оборота, затем еще на четверть, уперся ногой в базальтовый цоколь и рванул крышку люка на себя.

Тяжеленная двухсоткилограммовая плита распахнулась, обдав его удушливой волной застарелого жара и гарью.

Внутри камера напоминала пещеру, сплошь заросшую уродливыми сталактитами из спекшегося пепла и застывшей эфирной смолы. Этот шлак был твердым, как гранит, и намертво перекрывал сопла подачи топлива.

Родион вытащил из пространственного инвентаря две склянки с ядовито-зеленым «Раствором Сольвея» — едкой алхимической дрянью, предназначенной для растворения магических агломератов. Выбив пробки большим пальцем, он плеснул жидкость прямо на сталактиты.

Камера зашипела, как выводок рассерженных гадюк. Белый едкий пар ударил в потолок, разъедая глаза даже сквозь защитные фильтры сетчатки. Пепельный камень на глазах начал пузыриться, превращаясь в рыхлую, похожую на мокрый творог кашицу.

Не теряя ни секунды, Родион выхватил ремонтный ломик артефактора и принялся яростно, методично выбивать размягченную породу из сопел. Каждый удар отдавался звоном в суставах. Черная жижа брызгала на его лицо, шипела на кожаном доспехе, оставляя дымящиеся проплешины, но он не обращал на это внимания.

[Прогресс очистки камеры горения: 25%... 50%... 80%...]

[Сопла инжекторов 1, 3, 4 очищены!]

[Остаток времени до Прилива: 04 : 51 : 19]

Когда последний кусок шлака с глухим стуком упал на решетчатый настил, Родион тяжело перевел дух, вытер рукавом покрытый сажей лоб и полез в инвентарь за топливом.

Обычный уголь или стандартные кристаллы маны здесь бы не помогли — древний реактор требовал высокой плотности энергии для первичного воспламенения. Родион извлек три сферы `[Концентрированной эссенции огня]`. Каждая из них пульсировала яростным алым жаром, обжигая пальцы даже сквозь термостойкие перчатки. Стоимость каждой такой сферы на аукционах Централных Миров равнялась годовому доходу небольшого баронства.

Он без тени сомнения заложил все три сферы в приемный лоток запальника, добавил горсть толченого лунного серебра в качестве стабилизатора и с силой захлопнул люк камеры. Маховик провернулся обратно, герметизируя контур.

— Давай, родная, — прошептал он, опуская рубильник первичного зажигания. — Просыпайся.

В тишине зала раздался щелчок кремниевого электроразрядника.

Секунда. Две. Ничего не происходило. Внутри колодца реактора царил мертвая тишина.

— Ну же!..

Внезапно пол под ногами вздрогнул. Где-то в глубине бронзовой сферы раздался глухой хлопок, сменившийся нарастающим, утробным гулом. Сквозь толстое кварцевое стекло смотрового иллюминатора полыхнуло ослепительное оранжевое зарево. Огонь эссенции жадно вцепился в остаточный эфир, перемалывая его в чистую кинетическую и магическую мощь.

Стрелки древних манометров на контрольной панели дрогнули и неуверенно поползли вверх, отрываясь от нулевых отметок. Массивные поршни в центральной шахте маяка с тяжелым, стонущим вздохом стронулись с места, совершая свой первый за последние триста лет рабочий ход.

[Внимание! Первичный розжиг Реактора «Слеза Сириуса» завершен успешно!]

[Выход на минимальную рабочую мощность: 12%]

[Генерация эфирного давления: 2.8 атм и растет]

[Контур жизнеобеспечения нулевого горизонта: СТАБИЛИЗИРОВАН]

[Питание саркофага «Колыбель-7» переведено на генератор маяка!]

Родион метнулся к постаменту Полины. Сапфировый купол над ее телом вспыхнул с новой силой, его свет стал ровным, густым и теплым. Показатели на голографическом дисплее поползли в зеленую зону:

`[Энергетический резерв капсулы: 99.9% (Постоянная подпитка)]`

`[Скорость пепельного заражения: ЗАБЛОКИРОВАНА действием поля]`

Родион с облегчением прислонился плечом к мраморной колонне, позволяя себе перевести дыхание ровно на пять ударов сердца. Самая страшная, самая неотвратимая угроза была временно отведена. Ее жизнь больше не утекала по каплям вместе с минутами таймера.

Но расслабляться было самоубийством.

Как только реактор ожил, по всей башне прокатилась вибрация. Спящие магические контуры, принимая сырую энергию, начали наполняться светом, пробивающимся сквозь стыки каменных плит и трещины в полу. Маяк подал признаки жизни.

А в мире Бездны любой свет был вызовом. Любой звук был приглашением на пир.

Снаружи, сквозь толщу трехметровых гранитных стен, донесся звук, от которого по спине Родиона пробежал ледяной холод.

Это был рев. Не рев зверя или человека — то был протяжный, утробный, многоголосый стон сотен глоток, зародившийся где-то на дне Пепельного Океана и подхваченный завыванием штормового ветра. Океан почувствовал тепло. Бездна почуяла добычу.

[ВНИМАНИЕ! Резонанс пробуждения засечен сущностями Бездны!]

[Активация фазы: Предвестники Прилива]

[Фиксируется выход передовых отрядов на прибрежную линию Мыса Забвения]

[До первого вала Пепельного Прилива осталось: 03 : 42 : 05]

— Зашевелились, падалышки, — скрипнул зубами Родион, натягивая перчатку обратно на руку.

Он не стал задерживаться в Зале Горна. Заперев титановые ворота и активировав на них простейшую сигнальную руну из собственной крови, Смотритель бросился обратно вверх по винтовой лестнице.

Теперь, когда реактор давал энергию, башня менялась на глазах. Вдоль стен оживали люминесцентные кристаллы аварийного освещения, заливая пыльные пролеты призрачным зеленоватым светом. Но вместе с тем из всех щелей полезли системные ошибки — изношенные магистрали не выдерживали давления, клапаны свистели, стравливая драгоценный пар, а на среднем ярусе, где располагались дренажные насосы, пол уже заливала мутная, едкая жижа.

Родиону пришлось сделать остановку на отметке сто пятьдесят метров — в Секторе Дренажа.

Здесь располагались гигантские кузнечные меха и гидравлические помпы, предназначенные для откачки пепла из основания башни. Если они выйдут из строя во время прилива, масса жидкого праха просто затопит шахту через нижние вентиляционные галереи, и реактор захлебнется в первые же десять минут шторма.

Картина в секторе была критической: главный коленчатый вал насоса сорвало с креплений, и он болтался в воздухе, разбивая при каждом обороте бронзовые подшипники.

[Критический узел: Дренажная Помпа «Левифан-2»]

- Структурная целостность: 29%

- Угроза полного разрушения узла через: 18 минут работы.

- Способ устранения: Фиксация опорной рамы, замена деформированных шпилек.

— Проклятье... — выругался Родион, оценивая масштаб поломки.

Времени на тонкую инженерию не было. Он вытащил из инвентаря четыре массивных [Слитка звездной бронзы] и с помощью собственного запаса маны начал нагревать их прямо в руках, активируя базовую способность высокорангового воина: [Вливание Воли: Ковка Сути].

Металл в его пальцах раскалился добела, размягчаясь, как воск. Обжигая ладони сквозь зачарованную кожу перчаток, преодолевая вспышки острой боли, Родион вогнал расплавленные бруски бронзы прямо в развороченное гнездо подшипника, создавая грубый, но монолитный хомут. Затем, ухватив вибрирующий вал голыми руками, он с диким ревом вправил его на место.

Система зафиксировала импровизированный ремонт:

[Аварийный ремонт завершен!]

[Целостность узла временно стабилизирована на отметке 65%]

[Ресурс работы: 14 часов]

[Получен ожог ладоней 2-й степени. Штраф к ловкости: -8% до исцеления]

Родион сжал обожженные кулаки, проигнорировав сообщение о боли, и, не останавливаясь ни на секунду, продолжил подъем.

Вверх. Только вверх. К вершине, к Линзе, к оружию.

Когда он вновь выскочил на верхнюю смотровую площадку, мир вокруг изменился до неузнаваемости.

Шторм набрал полную силу. Ветер дул с такой яростью, что взрослого человека в тяжелых доспехах буквально сносило к краю обрыва. Пепельный Океан внизу больше не был просто волнующимся простором — он вздымался циклопическими черными гребнями высотой с девятиэтажный дом. Маслянистая масса кипела и пенилась. На горизонте, закрывая собой полнеба, медленно поднималась сплошная, непроницаемая стена багрово-черного тумана — сам Пепельный Прилив, фронт первородного распада, несущий в себе триллионы тонн смертоносной взвеси.

Но страшнее стены тумана было то, что ползло впереди нее.

Черные базальтовые утесы Мыса Забвения внизу кишели движением.

Из ревущих глубин океана на камни сотнями, тысячами выбирались кошмарные порождения Бездны. Родион перегнулся через парапет, активируя зрение Смотрителя, и зубы его невольно сжались.

Это были Пепельные Ползуны — твари размером с матерого волка, чьи тела напоминали слеппенный из мокрой золы и осколков костей кошмар. У них не было глаз, лишь широкие, усаженные иглами пасти, источающие фосфоресцирующую слюну. Они карабкались по отвесным, скользким скалам с пугающей скоростью, цепляясь серповидными когтями за малейшие выступы камня. А за ними, вздымаясь над прибоем, ползли твари покрупнее — Иглобрюхие Утопленники, бронированные гиганты с панцирями из мертвого корунда, несущие на спинах наросты органических мортир.

[Внимание! Обнаружена первая волна осады: Авангард Прилива]

Состав:

- Пепельные Ползуны (Уровень 45–50): ~ 450 особей.

- Костяные Плевуну (Уровень 55): ~ 80 особей.

- Панцирный Разрушитель Мыса (Элитный монстр, Уровень 68): 1 особь.

Дистанция до подножия башни: 180 метров.

Время до контакта с внешним периметром: 12 минут.

— Значит, решили проверить нового смотрителя на прочность раньше времени, — прошептал Родион. В его глазах не было страха — только холодный, математический расчет.

В одиночку, даже обладая боевым потенциалом ранга S, перебить полтысячи тварей на отвесных скалах за двенадцать минут было физически невозможно. Мана иссякнет быстрее, чем он убьет половину.

Единственным шансом был Маяк.

Родион развернулся к Фокусирующей Линзе Кеплера.

Теперь, когда Эфирный Горн снизу качал энергию, медные проводники вокруг накрившегося хрустального шара гудели, вибрируя от переполняющей их мощи. Но энергия не могла сконцентрироваться — из-за трещины и сорванных подвесов свет растекался во все стороны бесполезными, хаотичными сполохами, стекая по стенам башни и уходя в громоотводы.

[Узел готов к активации: Требуется центровка оптической оси!]

[Предупреждение: Ручная юстировка под нагрузкой приведет к прямому воздействию астральной радиации на оператора!]

— Плевать, — бросил Родион.

Он подошел к станине заклинившего поворотного кольца линзы. Четырехметровый шар из кварца весил не меньше двадцати тонн. Шестерни редуктора были срезаны, металл заклинило намертво.

Оперевшись плечом в край поврежденной оправы линзы, Родион уперся ногами в заклепки настила.

— Ну же, вставай на место, проклятая стекляшка!..

Он активировал свой главный боевой навык берсерка, оставшийся с прошлых войн: `[Преодоление Предела: Титанический Сдвиг]`.

Его тело окутало багровое марево чистой физической ярости. Кости затрещали под чудовищной нагрузкой. Металлические пластины настила под подошвами сапог прогнулись, проседая вниз на несколько сантиметров. Мышцы спины и плеч жгло так, словно в них залили расплавленный свинец.

Линза скрипнула. Миллиметр за миллиметром, скрежеща и высекая снопы искр, многотонная глыба гипер-кварца начала поворачиваться.

В этот момент первая порция астральной энергии из Горна пробила подводящий кабель и ударила в фокусную точку.

Ослепительный луч белого, нестерпимо яркого света вспыхнул прямо перед лицом Родиона. Это не был обычный огонь — это была концентрированная радиация высших планов бытия. Даже защитные очки артефактора треснули от жара. Кожа на лице Родиона мгновенно покрылась волдырями, волосы на висках затлели, а системный лог заполнился красными предупреждениями:

[Критическое воздействие: Астральное выгорание плоти!]

[Здоровье: 94%... 88%... 79%...]

[Получена временная слепота правого глаза: 45 минут]

Преодолевая дикую боль, видя левым глазом лишь пляшущие пятна фосфора, Родион сделал последнее, запредельное усилие. Шагнув вперед, ломая металл направляющих, он с глухим ударом вогнал край линзы в центральный замковый паз.

БАМ!

Тяжелые бронзовые фиксаторы сработали автоматически. Линза встала по центру оптической оси.

Рассеянный до этого свет мгновенно собрался в единый, тонкий, как игла, и ослепительный, как рождение сверхновой, луч. Он ударил из вершины шпиля Маяка Астрального Света прямо в низкое, свинцовое небо Бездны, пробивая рваные тучи на много километров ввысь.

Мир на мгновение замер. Завывание ветра словно захлебнулось перед мощью пробудившейся цитадели.

А затем сработала автоматическая система целеуказания древних.

[Оптическая ось стабилизирована!]

[Фокусирующая Линза Кеплера: АКТИВНА (Аварийный режим)]

[Захвачены множественные враждебные сигнатуры на ближней дистанции]

[Активация оборонительного протокола: «Перст Рассвета»!]

Луч, уходящий в небо, преломился. Огромная линза слегка наклонилась вперед на своих шарнирах, и ослепительный конус астрального огня скользнул вниз, к подножию базальтовых утесов.

Там, где луч касался скал, камень мгновенно раскалялся до белого каления, закипая базальтовой лавой.

А твари... Твари не успевали даже закричать.

Пепельные Ползуны, попав под конус чистого Света, вспыхивали за доли секунды, сгорая дотла вместе с костями и ядовитой плотью — их сущность, сотканная из энтропии и праха, просто аннигилировала при контакте с первородным эфиром. Луч скользил по отвесным кручам, словно скальпель хирурга, выжигая целые гроздья карабкающихся монстров. Десятки, сотни обугленных останков дождем сыпались в бушующий внизу океан.

Один из тяжелых Панцирных Разрушителей попытался закрыться массивным костяным щитом, выпустив залп ядовитых шипов в сторону вершины башни. Но луч Света ударил прямо в центр его панциря. Секунда сопротивления — и прочнейший корунд раскололся, вскипел, и чудовище разорвало изнутри столбом ослепительного пламени.

[Уничтожен авангард осады!]

[Уничтожено: Пепельные Ползуны x 312, Костяные Плевуны x 48, Панцирный Разрушитель x 1]

[Внимание: Перегрев Фокусирующей Линзы! Температура ядра: 840°C]

[Аварийное отключение «Перста Рассвета» на охлаждение: 15 минут]

Луч погас так же внезапно, как и зажегся.

На скалы снова опустилась тьма, нарушаемая лишь тлеющими, светящимися вишневым жаром бороздами на базальте, оставленными проходом смертоносного луча. Запах горелой плоти Бездны и озона был настолько густым, что перебивал даже соленый смрад океана.

Родион тяжело опустился на одно колено, уперевшись ладонью в горячий настил смотровой площадки. Правый глаз ничего не видел, затянутый багровой пеленой, обожженное лицо пульсировало тупой, непрекращающейся болью. Он достал из поясной сумки склянку с мазью из корня серебрянки и грубо, размашистыми движениями втер ее в ожоги на щеке и шее, даже не поморщившись от шипения запекшейся кожи.

Первый натиск был отбит. Оружие маяка работало, пусть и с перебоями, грозя взорваться от каждого выстрела.

Но Родион знал: это была всего лишь разведка боем. Жалкие крохи, выплюнутые океаном вперед на пробу.

Он поднял здоровый глаз к горизонту.

Стена черного тумана подошла вплотную. Она вздымалась уже на километр ввысь, заслоняя весь обзор. Молнии внутри нее били беспрерывно, порождая низкий, инфразвуковой гул, от которого дрожали сами кости утеса.

А на системном таймере, пульсирующем в углу обзора, неумолимо таяли последние минуты:

[ВНИМАНИЕ: ДО ВХОЖДЕНИЯ В ФАЗУ «ПЕПЕЛЬНЫЙ ПРИЛИВ» ОСТАЛОСЬ:]

[02 : 14 : 08]

[02 : 14 : 07]

[02 : 14 : 06]...

Океан перед мысом начал отступать. Колоссальная масса жидкого пепла с шипением и хлюпаньем уходила вдаль, обнажая черное, усеянное остовами древних кораблей и гигантскими скелетами дно Бездны. Океан делал глубокий вдох перед тем, как обрушить на Мыс Забвения свой первый, сокрушительный вал.

Родион медленно встал во весь рост. Ветер трепал его изодранный плащ, бросая в лицо комья остывающего пепла. Он положил руку на рукоять тесака, чувствуя за спиной ровный, спасительный пульс Горна, охраняющего покой его дочери в глубине фундамента.

— Ну давай, — негромко бросил он в ревущую бездну, оскалив окровавленные зубы. — Я никуда не уйду.

Глава 2. Старик Люмен и оптическая схема

Ветер на открытой галерее выл с такой силой, что просмоленный плащ трещал, словно парусина идущего ко дну баркаса. Воздух горчил жженым волосом, серой и тем особым, тошнотворно-сладким привкусом перегретого серебра, который всегда оставался после разряда главного калибра.

Родион сплюнул на плиты темный сгусток слюны пополам с пеплом, вытер тыльной стороной ладони разбитые губы и сделал шаг назад, уходя из зоны хлещущих порывов.

Тяжелая бронированная дверь фонарного отсека, сбита из трех слоев мореного железного дуба и окованная листами глушеной меди, висела на перекошенных петлях. Один из запорных ригелей срезало отдачей: металл толщиной в два пальца лопнул, оставив на косяке зазубренный, оплавленный след.

[ВНИМАНИЕ: СИСТЕМНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ УЗЛА «КОРОНА СВЕТА» — 14.8%]

[ТЕМПЕРАТУРА СЕРДЦЕВИНЫ: 680 °С (КРИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕГРЕВ)]

[ВРЕМЯ ДО ПРИБЫТИЯ ОСНОВНОЙ ВОЛНЫ: 02 : 11 : 44]

Внутри фонарной башни стоял плотный, неподвижный туман из испарившегося трансформаторного масла и сгоревшей изоляции рунных жил. Каждую секунду в этой полутьме что-то звонко и натужно щелкало — остывающий металл огромной оптической рамы сокращался неравномерно, грозя разорвать хрупкое стекло, державшееся лишь на честном слове и застывшей alchemical-мастике.

В самом центре круглого зала, опираясь на трехметровую колонну гироскопического подвеса, высился колосс.

Сложносоставная катадиоптрическая система маяка — шедевр докатастрофической магоинженерии, известный среди зрителей как «Глаз Утренней Звезды». Внешне он походил на циклопическую, ребристую луковицу из сотен концентрических стеклянных призм, опоясанных тяжелыми бронзовыми ободьями. Сейчас эта «луковица» была мертва. Ее сердцевина — пустой кристаллический тигель — лишь тускло флуоресцировала ядовитым индиго, выбрасывая в воздух короткие, немощные искры статики.

Родион подошел к главному пульту управления, представлявшему собой наклонную плиту из серого доломита, испещренную гнездами переключателей, верньерами из полированной кости и выгоревшими до углей индикаторными кварцами.

— Ну что, красавица, — глухо прохрипел он, стягивая с правой руки окровавленную перчатку и прижимаясь ладонью к ледяному камню. — Жива еще?

Камень отозвался не радостным гулом, а мелкой, зудящей дрожью. В голове Родиона вспыхнул системный лог:

[ВХОД В ИНТЕРФЕЙС УПРАВЛЕНИЯ: АВТОРИЗАЦИЯ ПОДТВЕРЖДЕНА]

[ДОЛЖНОСТЬ: МЛАДШИЙ ИНСПЕКТОР-СМОТРИТЕЛЬ (И.О. ГЛАВНОГО ХРАНИТЕЛЯ)]

[СТАТУС ДУХА-СТАБИЛИЗАТОРА: ГЛУБОКАЯ ДОРМАНТНОСТЬ / РАСПАД ФОРМЫ]

[МАНА-РЕЗЕРВАР ВТОРИЧНОГО КОНТУРА: 320 / 45 000 МР]

[ТРЕБУЕТСЯ РУЧНАЯ ИНИЦИАЦИЯ РЕЗОНАТОРА]

— Спячка, значит, — процедил сквозь зубы Родион. — Конечно. Когда бьют в набат, начальство всегда предпочитает притвориться ветошью.

Он не стал тратить драгоценные крупинки маны на заклинания призыва. В его распоряжении не было ни ритуального жезла, ни мантии архимага, расшитой звездным серебром. Зато на поясе болтался увесистый разводной ключ с гравировкой гильдии артефакторов Шестого Сек-

тора, а в кармане жилета лежала плоская склянка с концентрированной «слезой саламандры» — едкой, самовоспламеняющейся алхимической жижей, запрещенной к провозу на пассажирских пакетботах.

Отвернув прикипевшую крышку склянки, Родион капнул три густые, светящиеся багрянцем капли прямо в центральную чашу резонансного алтаря, а затем от души врезал рукоятку ключа по медному гонгу сопряжения.

Звук получился не благородным, а визгливым, словно пустая консервная банка ударилась о булыжник мостовой.

— Подъем, старая рухлядь! Смену сдали — смену приняли!

На секунду в помещении стало абсолютно тихо. Перестало щелкать даже остывающее стекло. А затем багряные капли алхимии с шипением втянулись в капиллярные борозды на камне. Индиговые искры в глубине тигля метнулись вверх, закручиваясь в спираль, и над пультами управления начал сгущаться желтоватый, маслянистый свет.

Воздух ощутимо потеплел. Из клубов пара соткался силуэт: крошечный, не выше полуметра, человечек в бесформенном балахоне, сотканном из переплетенных солнечных зайчиков и поляризованных лучей. У него была длинная борода из тончайших оптоволоконных нитей, нос, напоминающий призму Николя, и крошечные, слезящиеся глазки, в которых бешено вращались шестеренки механических зрачков.

Дух-элементаль ядра, хранитель светоносной матрицы маяка — Люмен. Или, как значилось в полустертом инвентарном свитке тринадцатого века от Падения, «Служебная Сущность Класа „Серафим-Оптикус“, серия IV».

— Варвар... — первым делом проскрипел человечек. Голос его звучал так, будто сухой гравий пересыпали в жестяном тазу. — Какая неотесанная, навозная, провинциальная скотина посмела плеснуть неочищенный дистиллят огненного корня в рефракторную чашу девятого ранга?! Где эссенция полуденного солнца? Где литургическое масло белых лилий? Где, в конце концов, штатный архимаг третьего круга с шелковой тряпицей для полировки фокуса?!

Человечек завис в воздухе, смешно задрав крошечный подбородок, и принялся ози-раться. Его оптические зрачки с щелканьем меняли кратность: зум-зум-зум.

— Так, — Люмен замер, и его сияние из тепло-желтого мгновенно сделалось тускло-серым, как заветренная свиная шкура. — Потолок пробит. Арматура перекошена на семь градусов по азимуту. Вентиляционная шахта забита пеплом Бездны на восемьдесят процентов. А вместо верховного клирика с дипломом Академии надо мной нависает бродяга с перекошенной мордой, от которого разит козым жиром и дешевой мазью от ожогов. Скажи мне, смертный огрызкок... нас захватили твари с дна? Или Совет Магистров просто решил сэкономить на уборщице?

— Рад тебя слышать, Люмен, — ровно ответил Родион, не обращая внимания на оскорбления. Он слишком хорошо помнил характер этого духа по старым записям в вахтенном журнале: элементали ранней эпохи строились на личностных матрицах ворчливых академиков, считавших любого практика ниже ранга магистра говорящей грязью. — Совет Магистров распался двести сорок лет назад. Ты проспал третью эпоху Раскола. Мы на Мысе Забвения. А через два часа и девять минут сюда ударит Пепельный Прилив такой плотности, что твою стеклянную юбку сотрет в абразивный порошок вместе со скалой.

Люмен моргнул. Шестеренки в его глазах провернулись со звуком сломанного будильника.

— Сколько?.. — тонким фальцетом пискнул дух. — Двести сорок лет?! А плановое техобслуживание? А замена ртутного подпятника каждые пятьдесят циклов?! Кто смазывал осевые подшипники, ты, животное с ключом?!

— Никто, — отрезал Родион, шагнув к помосту оптической системы. — Башню законсервировали. Тридцать минут назад я сорвал аварийные пломбы и дал залп на холодную, чтобы

сбить авангардную стаю чешуйчатых скатов. Выбило три конденсатора, луч расфокусировался на выходе и опалил мне половину рожи. Теперь твоя задача — заткнуться, развернуть системную схему и показать, сколько линз у нас лопнуло. Работать будем быстро.

— Залп на холодную?.. — Люмен схватился крошечными ручками за светящуюся бороду и взвился к самому куполу, испуская снопы злых оранжевых искр. — Без предварительного прогрева зеркал?! Без молитвы Первому Лучу?! Без согласования с гироскопической палатой?! Ты чудовище! Ты маньяк! Ты заслуживаешь виселицы на центральной площади Дала-рана, или где там сейчас вешают таких бракоделов!

— Вешать меня некому, — сухо бросил Родион, поднимаясь по металлическому трапу на круговой помост, опоясывавший линзу. — А вот если через два часа маяк не выдаст непрерывный световой конус в сорок тысяч люмен-маны, нас обоих сожрут твари Бездны. Причем тебя сначала высосут досуха, как мыльный пузырь, а остатки твоей матрицы пойдут на корм пепельным червям. Ты этого хочешь?

Человечек замер под самым куполом. Его борода нервно подергивалась, переливаясь от испуганного фиолетового к угрюмому янтарному. Наконец он тяжело, по-человечески вздохнул, и этот вздох прозвучал как шелест сухого пергамента.

— Лучше бы меня распылили при осаде, — проворчал он, плавно спускаясь вниз и зависая на уровне глаз Родиона. — Ладно, недоучка. Смотри и плачь. Если у тебя вообще осталось чем плакать из этого твоего уцелевшего глаза.

Люмен щелкнул светящимися пальцами.

Воздух между ними дрогнул, и перед лицом Родиона развернулась полупрозрачная лазурная проекция — детальная трехмерная схема оптического аппарата маяка, расписанная сотнями рунических обозначений, формул и мигающих красных маркеров.

[АНАЛИЗ ГЛАВНОГО РЕФРАКЦИОННОГО КОМПЛЕКСА:]

[СХЕМА ФРЕНЕЛЯ: 8-СТУПЕНЧАТАЯ, ДВУХСТОРОННЯЯ, КАТАДИОПТРИЧЕСКАЯ]

[ЭЛЕМЕНТОВ ВСЕГО: 128 ПРИЗМЕННЫХ СЕГМЕНТОВ]

[ЦЕЛЫХ: 71]

[КРИТИЧЕСКИЕ ТРЕЩИНЫ / СКОЛЫ: 39]

[УНИЧТОЖЕНО / ОТСУТСТВУЕТ: 18]

[СМЕЩЕНИЕ ОПТИЧЕСКОЙ ОСИ: +3° 14' 22" (ФАТАЛЬНАЯ ДЕКОЛЛИМАЦИЯ)]

[ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПЕРЕДАЧИ ПОТОКА: 11.2%]

Родион медленно провел взглядом по парящей схеме, и его сердце сжалось в ледяной комок. Ситуация была даже хуже, чем он предполагал, когда смотрел на вспышки сквозь закопченное стекло смотровой щели.

— Вот, любуйся, плод твоего дикарского выстрела, — ядовито прокомментировал Люмен, подлетая к схеме и тыча светящейся указкой в центральный пояс проекции. — Поясные линзы центрального барабана — те самые, из горного монокристалла чистейшей огранки, которые сводят рассеянный свет ядра в горизонтальный нож. Третий пояс лопнул пополам. Внутреннее напряжение кварца зашкаливает. Если ты подашь на него хотя бы пятьсот единиц плотности, он разлетится на осколки размером с ноготь и срежет все диоптрические кольца сверху донизу.

— А верхний ярус? — Родион ткнул заскорузлым пальцем в полусферу над центром.

— Верхний катадиоптрический ярус смещен, — дух скривился, будто проглотил лимон. — Латунная каретка погнута. Регулировочные винты с резьбой в четверть линии прикипели намертво от серного жара. Свет от дуги не отражается вниз в горизонт, а уходит в потолок, в ту самую дыру, через которую на нас сейчас сыплется сажа. Ты греешь Бездну, идиот. Ты расходуешь ману на то, чтобы освещать задницы пролетающим горгульям!

Родион подошел к самой линзе, игнорируя причитания духа.

Вблизи разрушения выглядели устрашающе материальными. Огромные, в ладонь толщиной, сегменты из чистейшего прозрачного минерала были покрыты тончайшей паутиной микротрещин. Там, где прошел чрезмерный импульс, внутри стекла застыли мутные, белесые каверны — следы закипевшей эфирной взвеси. Зазор между центральным бычьим глазом и огибающими его ступенчатыми кольцами разошелся почти на два сантиметра; скрепляющий свинцовый припой выплавился и застыл уродливыми серыми сосульками на ажурной бронзовой раме.

— Без литья новых призм мы его не сведем, — пробормотал Родион, постукивая ногтем по треснувшему поясу. Звук был глухим, мертвым. — А отливать негде и некогда. Значит, придется менять геометрию схемы.

Люмен отшатнулся в воздухе, словно его ударили плетью.

— Что?! Менять геометрию?! Архитектуру мастера Арканиуса, утвержденную коллегией Двенадцати Башен?! Ты в своем уме, обрубок?! Ты хоть знаешь дифференциальные уравнения распространения когерентного эфира в ступенчатых средах?! Ты умеешь рассчитывать угол Брюстера для мана-волн с поляризацией пятого порядка?!

— Зато я умею работать клином, напильником и мастикой, — огрызнулся Родион. — Заткнись и считай. Если мы заглушим внешний пояс — шестое, седьмое и восьмое кольца... перенаправим поток через внутренний конус, пожертвовав шириной охвата ради дальности... сколько мы выжмем?

Люмен замер. Его маленькие глазки бешено закрутились, высчитывая формулы. Вокруг его головы хороводом заплясали светящиеся рунические цифры, с тихим треском аннигилируя в воздухе.

— Мы потеряем угол обзора, — неуверенно произнес он уже совершенно другим, деловым тоном. — Вместо круговой развертки в триста шестьдесят градусов мы получим узкий секторный луч. Не шире сорока пяти градусов. Маяк перестанет быть Маяком, он станет... прожектором.

— Мне плевать на круговой обзор, — отрезал Родион. — Твари не пойдут с суши. За спиной у нас Мертвый Хребет, они не переваливают через пики. Удар будет нанесен только со стороны океана, прямо по курсу Большого Пролома. Сорока пяти градусов хватит, чтобы выжечь фарватер.

— Но фокус... — дух заметался перед линзой, ощупывая трещины тонкими лучами света, струящимися из пальцев. — Фокус уйдет вперед на сорок саженей! Мы не сможем жечь их на дальних подступах! Тебе придется подпустить волну на расстояние броска гарпуна, прежде чем луч срежет гребень! И нагрузка на центральную призму возрастет втрое. Она не выдержит, она просто расплавится!

— Не расплавится, если мы организуем жидкостное охлаждение, — Родион спустился к основанию колонны и пнул тяжелый медный кожух, под которым скрывались насосы. — У нас в трюме три бочки хладогеля из ледяных слизней. Если подать его по внешнему змеевику прямо на оправу...

Договорить он не успел.

Снизу, из шахты винтовой лестницы, ведущей в нижние жилые ярусы и к выходу на причальный двор, донесся приглушенный шум. Сначала послышались торопливые, спотыкающиеся шаги десятков ног по чугунным ступеням, затем — сдавленная ругань, плач ребенка и тяжелый, надсадный кашель.

Родион нахмурился, опустив ладонь на рукоять тесака.

— Какого черта...

Дверь на нижнюю площадку фонарного зала с грохотом распахнулась. В проеме показались люди.

Их было человек пятнадцать. Впереди шагал рослый, плечистый мужик в перепачканном рыбьей чешуей кожаном фартуке поверх засаленного тулупа — Кормщик Бран, неофициальный староста того жалкого сброда, что ютился в поселке у подножия утеса. За его спиной жались остальные: тощие рыбаки с баграми и ржавыми гарпунами, две женщины, завернутые в мокрые дерюги, и местный недоучка-клирик, старик Варфоломей, судорожно сжимавший в руках деревянный амулет Пресветлой Девы, покрытый трещинами и плесенью.

Они пахли так, как пахнет загнанный в тупик скот: застарелым потом, мокрой псиной, дешевым пойлом и первобытным, парализующим ужасом.

Увидев Родиона, Бран остановился, шумно дыша сквозь окладистую, всклокоченную бороду. Его маленькие, налитые кровью глазки метнулись к разорванной оптической системе, к висящему в воздухе светящемуся Люмену, а затем впились в обожженное, покрытое серой коркой лицо смотрителя.

— Погасло... — хрипло выдохнул Бран. Его голос дрожал от сдерживаемой ярости и паники. — Мы снизу видели. Оно пыхнуло один раз, сожгло лодку Савелия на стапелях, а потом сдохло. Стекло разбито. Все разбито к свиньям!

Толпа за его спиной глухо загудела. Женщина в дерюге запричитала, уткнувшись лицом в плечо соседа:

— Господи помилуй... Свет погас... Океан уходит, дно голое... Сейчас они полезут... Все полезут!

— Молчать! — рявкнул Родион, и его голос, усиленный эхом купола, заставил беглецов отшатнуться. — Кто разрешил подниматься в фонарный отсек? Я приказал всем запереться в нижних казематах третьего горизонта и задраить гермостворки!

Бран оскалился, шагнув вперед. В кулаке он сжимал тяжелый разделочный секач с зазубренным обухом.

— В казематах?! Чтобы нас там замуrowало заживо, когда скала треснет?! Ты посмотри вниз, смотритель! Вода ушла на версту! Там кости мамонтов морских из ила торчат, там грязь кипит! Пепельный Прилив идет, дурья твоя башка! Девятый вал высотой с твою башню!

— Я знаю, что идет, — холодно отозвался Родион, не двигаясь с места. — До первой волны — два часа. А вы топчете мне оптическую площадку и мешаете работать. Пошли вон. Вниз, я сказал.

Вперед протолкался старик Варфоломей. Его трясущаяся рука с амулетом нацелилась прямо в грудь Родиона:

— Грех... Гордыня безумная! Сын мой, опомнись! Нельзя зажечь Око Бездны без Посвященного! В писании сказано: лишь длань, помазанная елеем семи соборов, способна удержать гнев Глубины! Где твой сан?! Где твои грамоты?! Ты простой слесарь, механик с каменоломен! Ты возомнил себя равным Архимагам Древности?!

Толпа поддакнула, послышался злой, истеричный шепоток:

— Самозванец...

— Из-за него нас всех перебьют...

— Он только раздражил тварей этим выстрелом!

— Архимаг нужен! Настоящий! Который молитву знает и огонь небесный с неба сводит! А этот железяками гремит да матом кроет!

Люмен, паривший за правым плечом Родиона, не выдержал. Он спикировал прямо к носу клирика, раздувшись до размеров тыквы и вспыхнув ослепительно-белым, резким светом, от которого старик истошно взвизгнул и закрыл лицо рукавом.

— Плесень подвальная! — взвизгнул дух, брызжа искрами. — Безграмотные глистообразные двуногие! Кто тут помянул «елей семи соборов»?! Твой так называемый елей — это неочищенная фракция костяного дегтя с добавлением мышьяка, которой только вшей у портовых девок травить! Вы смеее судить об архитектуре Арканиуса своими куцыми мозгами,

забитыми суевериями о Пресветлой Деве?! Да будь здесь хоть трижды Архимаг, без точной юстировки фокальной плоскости он бы и свечки в сортире не зажег, не спалив себе исподнее!

Люди в ужасе попятились. Для них взбесившийся сияющий дух был порождением неведомой, опасной магии — возможно, даже скверны Бездны. Несколько человек торопливо сотворили охранительные знаки, а Бран покрепче перехватил секач, хотя в его глазах мелькнула неуверенность.

— Ты зубы нам не заговаривай, привидение, — прорычал кормщик, глядя исподлобья. — Мы люди простые. Мы знаем одно: старый смотритель тридцать лет назад говорил — если маяк погаснет во время Прилива, спасения нет. Надо уходить вглубь материка, через ущелье Волчьих Зубов. Если бросим пожитки сейчас, до перевала добежим до того, как пепел затопит низины!

— Не добежите, — спокойно сказал Родион.

Его спокойствие подействовало на толпу сильнее, чем крики элементаля.

— Это еще почему?! — крикнул кто-то из задних рядов. — Тропа сухая!

— Тропа была сухой полчаса назад, — Родион указал пальцем на узкое стрельчатое окно, выходившее на восток. — Вы когда поднимались по лестнице, в бойницы смотрели? Пепельный туман уже вошел в расщелину. Там сейчас нулевая видимость и плотность взвеси тридцать граммов на кубометр. Первый же вдох сожжет вам легкие за три минуты. Через перевал пройдут только те, у кого есть армейские фильтры или легкие из адамантия. У вас они есть?

Молчание. Тяжелое, давящее молчание, нарушаемое лишь свистом ветра в разбитом куполе.

— Вы сдохнете на первом же километре подъема, — продолжал Родион, чеканя каждое слово. — Упадете на колени, будете блевать собственной запекшейся кровью и смотреть, как вас догоняют ползучие тени. Ваша единственная надежда дожить до завтрашнего рассвета находится здесь. В этом зале. В этих разбитых стекляшках.

Он подошел к Брану вплотную. Разница в росте была невелика, но от Родиона исходила такая волна тяжелой, беспощадной уверенности и запаха свежей гари, что здоровенный кормщик невольно втянул голову в плечи.

— Ты пришел сюда скулить и грозить мне железкой, Бран? — тихо спросил Родион, заглядывая рыбаку прямо в глаза своим единственным зрячим оком. Второе, заплывшее багровой сукровицей, придавало его лицу сходство с полуразложившимся мертвецом. — Или ты хочешь, чтобы твоя баба и твои щенки не сварились заживо в пепельной каше?

Бран сглотнул. Желваки на его челюстях заходили ходуном, рука с секачом медленно опустилась вдоль бедра.

— Ты... ты правда можешь его зажечь? — хрипло спросил он. В голосе больше не было спеси, осталась только жалкая, цепляющаяся за соломинку мольба. — Без магов? Своими руками?

— Если будете стоять столбами — не смогу, — отрезал Родион. Он развернулся к толпе спиной, показывая, что разговор окончен, и снова поднялся на помост. — Мне нужны рабочие руки. Мужики — вниз, на четвертый уровень склада. Там стоят бочки с маркировкой «Хладогель-Б». Сбивать обручи, перекачивать сюда по пандусу. Женщины — брать ветошь, песок и спирт из кладовой смотрителя. Будете драить нижние отражатели от нагара. Кто откажется — вышвырну за ворота прямо сейчас, чтобы не переводили воздух в казематах. Время пошло.

Люди переглянулись. Никто не шелохнулся в первую секунду, но затем Бран шумно выдохнул, плюнул себе под ноги и рывкнул на стоявших позади:

— Чего встали, сучьи дети?! Слышали, что сказано?! Илья, Гришка — за мной к бочкам! Марфа, бери баб, дуйте за тряпками! Шевелитесь, если жить охота!

Толпа с топотом и гомоном хлынула вниз по винтовой лестнице. Паника нашла выход в грубой, бестолковой, но необходимой деятельности.

В фонарном отсеке снова остались только двое: искалеченный человек и сотканный из фотонов дух.

— Грубо, — заметил Люмен, зависнув над плечом Родиона. — Очень грубо. Никакого пиетета перед высшими материями. Никакой эстетики приказа. Ты разговариваешь с паствой, как сержант штрафного батальона с рекрутами перед расстрелом.

— Это и есть штрафной батальон, — бросил Родион, доставая из поясного подсумка набор тонких стальных щупов и алмазный надфиль с рунической гравировкой на рукояти. — А мы с тобой — смертники в первой цепи. Разверни проекцию третьего диоптрического пояса с увеличением восемь к одному. Мне нужно видеть профиль деформации посадочного кольца.

Дух фыркнул, но подчинился. Лазурная сетка чертежа вспыхнула ярче, раздвигаясь в стороны и заполняя все пространство между рамой и помостом.

Перед глазами Родиона развернулась сложнейшая механическая анатомия узла.

Каждое кольцо линзы Френеля крепилось к несущей бронзовой паутине тремя юстировочными винтами с микроскопическим шагом резьбы. Сейчас, из-за термического удара, бронзу «повело»: металл расширился неравномерно, изогнув направляющие дуги и зажав кварцевые призмы в тиски мертвого напряжения. Достаточно было одного неверного движения, чтобы драгоценное стекло брызнуло во все стороны смертоносной шрапнелью.

[ЭЛЕМЕНТ: ДИОПТРИЧЕСКОЕ КОЛЬЦО №4]

[МАТЕРИАЛ: ТЯЖЕЛЫЙ БАРИЕВЫЙ КВАРЦ С ИОННЫМ ЛЕГИРОВАНИЕМ]

[ТЕКУЩЕЕ НАПРЯЖЕНИЕ МАТРИЦЫ: 890 МПа (ПРЕДЕЛ ПРОЧНОСТИ: 920 МПа)]

[РИСК ВЗРЫВНОЙ ДЕКОМПРЕССИИ: 78%]

— Если ты коснешься этого винта ключом, — тихо и совершенно серьезно предупредил Люмен, — мы взлетим на воздух. Там накоплено столько упругой мана-энергии, что ее хватит оторвать тебе обе руки по плечи.

— Не коснусь, — процедил Родион.

Он присел на корточки, приглядываясь к посиневшему от жара металлу сквозь закопченное стекло защитных очков, которые торопливо натянул на обожженное лицо. Кожа под ремешком взывала от боли, но он даже не моргнул.

— Мы не будем его крутить. Мы снимем напряжение локальным отпуском.

— Чем?! — изумился дух. — У тебя нет термической дуги!

— У меня есть ты, — Родион повернул голову к элементалю. — Твоя рабочая длина волны — от ультрафиолета до жесткого инфракрасного, так? Сфокусируй тепловой пучок толщиной в иголку. Точка приложения — вот сюда, в основание стопорного клина. Будешь греть латунь с частотой сорок герц, пока она не поплывет. А я в этот момент подсеку распорку надфилем.

Люмен вытаращил механические зрачки:

— Ты сумасшедший. Ты абсолютный, клинический психопат. Моя матрица нестабильна! Если я допущу флуктуацию хотя бы на полпроцента, луч соскользнет на стекло, и оно лопнет!

— Не соскользнет, — Родион плотнее перехватил инструмент, уперевшись локтем в колено для устойчивости. Рука, несмотря на ожоги и усталость, была твердой, как гранитный утес под башней. — Ты хвастался, что тебя создали великие мастера Двенадцати Башен. Докажи, что ты шедевр магоинженерии, а не дешевая керосиновая коптилка с глазами.

Дух зашипел от возмущения, его борода вспыхнула яростным вишневым огнем:

— Да как ты смеешь... Да я калибровал телескопы в Обсерватории Вечности! Я держал баланс в тридцатилинзовых интерферометрах Высшего Синода! Смотри сюда, обезьяна с железякой, смотри и учись, как работают высшие сущности!

Из кончика указательного пальца элементаля вытянулась тончайшая, толщиной с паутинку, рубиновая нить света. Она вонзилась точно в основание погнутого болта.

Металл отозвался немедленно. Темная, окалистая латунь начала медленно светлеть: темно-бордовый, вишневый, соломенно-желтый... В воздухе запахло паленой медью.

— Давай! — пропищал Люмен, и его светящееся личико перекосило от напряжения; удерживать столь тонкий фокус при истощенном резерве башни стоило ему колоссальных сил. — Я долго не удержу! Поле плывет!

Родион не ответил.

Его мир сжался до крошечной точки размером в два миллиметра. Вся боль от ожогов, вой ветра за разбитым куполом, топот сапог на нижних ярусах и неумолимый системный таймер, отсчитывавший последние минуты до апокалипсиса, — все исчезло.

Остались только кончик алмазного надфиля, светящаяся капля плавящегося металла и едва слышный, высокий писк умирающего кристалла, готового разорваться в пыль.

Два миллиметра вправо. Точный, выверенный нажим под углом в тридцать градусов.

Дзынь.

Звук был чистым, коротким и звонким, как удар хрустального бокала о серебряное блюдо.

Погнутый болт срезало. Огромное диоптрическое кольцо вздрогнуло в своих пазах, сместилось на доли миллиметра и с глухим, протяжным вздохом встало на свободное место, освобождая сжатый кварц от смертоносного давления.

[ЭЛЕМЕНТ: ДИОПТРИЧЕСКОЕ КОЛЬЦО №4]

[НАПРЯЖЕНИЕ СНЯТО]

[ПОЛОЖЕНИЕ: НОРМА]

[РИСК ДЕКОМПРЕССИИ: 4%]

Люмен погасил рубиновый луч, тяжело плюхнулся прямо на край каменного пульта и распластался по нему светящейся кляксой, тяжело и прерывисто дыша.

— Получилось... — пробормотал он с искренним изумлением, поднимая голову. — Клянусь светом Авроры, у этого дикаря получилось...

— Одно кольцо, — Родион отер пот со лба рукавом, оставив на щеке черную полосу сажи. Его дыхание было тяжелым, рука мелко подрагивала от перегрузки, но в единственном глазу горел холодный, расчетливый огонь. — Осталось еще одиннадцать. И центральный катадиоптрический блок.

Снизу по лестнице послышался грохот: мужики втаскивали на площадку первую столитровую бочку с хладогелем. Металл гудел от ударов о ступени, люди хрипели, ругались последними словами, но тащили.

Родион бросил короткий взгляд в узкую амбразуру.

Там, далеко внизу, обнаженное дно Бездны уже перестало куриться паром. Черный ил стремительно замерзал под ледяным дыханием надвигающейся бури, превращаясь в потрескавшийся, мертвый панцирь. А на самом краю горизонта, там, где небо смыкалось с бездной, уже не было видно молний.

Их поглотила стена.

Колоссальный, высотой в сотни метров, вал жидкого, кипящего пепла поднялся во весь рост, закрывая звезды. Он двигался бесшумно — звук еще не успел долететь до башни, — но само основание скалы уже начало мелко, предупреждающе вибрировать, передавая дрожь через базальтовые пласты прямо в подошвы сапог Родиона.

[ДО ВХОЖДЕНИЯ В ФАЗУ «ПЕПЕЛЬНЫЙ ПРИЛИВ» ОСТАЛОСЬ:]

[01 : 48 : 12]

[01 : 48 : 11]...

— Эй, светящийся, — Родион поднял с помоста тяжелый медный разводной ключ и повернулся к оживающему духу. — Переводи дыхание. Сейчас мы будем вскрывать главный фокальный узел. И если ты зазеваешься хоть на долю секунды — клянусь, я заправлю тебя в масляную лампу и пойду с ней встречать прилив.

Люмен медленно поднялся в воздух, расправляя оптоволоконную бороду, и оскалился сотней крошечных призматических искр:

— Попробуй только не докрутить резьбу, смертный. Я лично выжгу тебе второй глаз, чтобы ты не позорил моё оптическое совершенство своей кривой физиономией. За работу!

Глава 3. Первый луч и класс [Фотонный Смотритель]

— Меньше трепя, больше люменов, — хрипло бросил Родион, зажимая в зубах толстую полоску дубленой кожи, чтобы не раскрошить челюсти от напряжения.

Руки уже не дрожали — адреналин выжег мелкую моторику, заменив её сухим, машинным автоматизмом. Внутри черепной коробки глухо стучал метроном таймера, отсчитывая секунды до момента, когда многометровая лавина пепла ударит в основание скалы и превратит маяк в каменный склеп.

[ДО ВХОЖДЕНИЯ В ФАЗУ «ПЕПЕЛЬНЫЙ ПРИЛИВ» ОСТАЛОСЬ:]

[01 : 41 : 04]

[01 : 41 : 03]...

— Данила! Прохор! Живее с хладогелем! — рывкнул он в проем винтовой лестницы, не оборачиваясь. — Опрокидывайте первую бочку прямо в распределительный желоб контура! Если медь перегреется раньше, чем встанет фокальная игла, нас всех сварит в собственном поту за три секунды!

— Тащим, мастер Родион, тащим, чтоб ее разорвало, эту жижу! — донесся снизу надсадный рев старшего артельщика. Металлический обод стокилограммовой клепаной бочки со скрежетом ударился о ступеньку, осыпая винтовую шахту искрами.

Родион опустился на колени перед гигантской двенадцатигранной станиной катадиоптрической системы.

Древние строители Маяка Бездны создавали его как алтарь слепой веры. В их понимании свет был священной эманацией божества Авроры — его полагалось умолять, направлять через грубые ритуальные линзы из неочищенного горного хрусталя и рассеивать широким конусом во все стороны, растрачивая девяносто процентов мощности на освещение пустоты.

Для Родиона, в прошлой жизни отдавшего двадцать лет лаборатории лазерных гироскопов и волоконной оптики твердотельных излучателей, подобная архитектура была не просто архаичной. Она была преступной.

— Смотри сюда, эфирный паразит, — Родион подцепил тяжелым бронзовым пинцетом прямоугольный брусок синтезированного кварца с рунической гравировкой на боковых гранях. — Твои предки ставили отражатели под углом в сорок пять градусов, получая дикое рассеивание на границе сред и волновой хаос в резонансной камере.

— Это священная геометрия Ордена Зари! — взвился Люмен, зависнув прямо над плечом Родиона. Светящиеся нити его бороды гневно потрескивали, выбрасывая в воздух крошечные голубоватые разряды статического электричества. — Девяносто поколений смотрителей направляли благодать именно так! Так написано в Каноне Светоносцев!

— Твое девяностое поколение сейчас лежит внизу в виде обугленных костей, обглоданных пепельными червями, — холодно отрезал Родион, с силой ослабляя заклипсованный болт второго кольца. Металл взвизгнул, поддаваясь рычагу. — Закон Снеллиуса и угол Брюстера плевать хотели на твой Канон. Если луч падает на диэлектрик под углом, при котором отраженный луч перпендикулярен преломленному, отраженная волна полностью поляризуется. Мы убираем паразитную деполяризацию. Мы не рассеиваем твой свет, Люмен. Мы загоняем его в тиски.

Родион достал из брезентового поясного под сумки набор тонких медных пластин — шин заземления и отвода вторичных эфирных гармоник, которые он лично выковал за последние три бессонные ночи. Медь была неочищенной, с примесью свинца, но в сочетании с охлаждающим солевым раствором она должна была выдержать колоссальное давление концентрированного мана-потока.

— Передавай несущую частоту на кварц, — приказал он. — Но не вздумай давать полную плотность. Только тестовый импульс на длине волны около пятисот пятидесяти нанометров. Мягкий зеленый спектр. Посмотрим интерференционную картину.

Дух маяка, раздраженно мерцая фиолетовыми всполохами, нехотя вытянул тонкий, как игла, световодный палец и коснулся торца кристалла.

Кварц вспыхнул. Внутри мутноватого минерала забила пойманная молния.

В ту же секунду Родион лег щекой на обледенелый чугунный настил, прищурил здоровый глаз, а пустую глазницу, прикрытую толстой кожаной повязкой, рефлекторно сдвинул лицевыми мышцами. Сквозь стеклышко карманного нивелира он наблюдал, как фотонный пучок бьет во второе кольцо линз.

— Кома... Чудовищная сферическая аберрация, — процедил Родион сквозь зубы. Кожаная полоска во рту промокла от слюны. — Краевые лучи сходятся ближе к линзе, чем центральные. Если мы подадим боевой импульс, пятно размажет на полкилометра, и вместо режущего луча мы получим бесполезный теплый фонарик, который только разозлит тварей в тумане.

Он схватил шлифовальный притир с алмазной пастой — самодельной суспензией из расколоченных технических кристаллов и китового жира:

— Держи фазу, Люмен! Не смей сбивать частоту, даже если твои эфирные кишки наружу полезут!

Движения Родиона стали быстрыми, расчетливыми и беспощадными. Он снимал микрон за микроном с кривизны внутренней кромки кварцевого сегмента. Руки горели — алмазная паста въедалась в сбитые в кровь костяшки пальцев, едкий китовый жир вонял тухлятиной и гарью, а от кристалла во все стороны хлестали микроскопические мана-иглы, пробивая кожу на предплечьях крошечными точечными ожогами.

[Внимание! Получен физический урон: 14 ед. (Эфирный ожог сетчатки и эпидермиса)]

[Сопротивление боли (Пассивное): Снижение штрафа к координации на 40%]

Родион даже не моргнул. Перед его мысленным взором стояли не системные логи, а интерференционные полосы равного наклона. Кольца Ньютона. Он выравнивал поверхность до тех пор, пока расплывчатое пятно на юстировочной медной пластине не начало стягиваться в плотную, ослепительную точку размером с игольное ушко.

— Третье кольцо! Поворотная призма номер пять! — командовал он, перемещаясь на коленях по мокрому от конденсата металлу. — Люмен, смещай фокус на две угловые минуты к северу!

— Ты сумасшедший! — верещал дух, но в его треске уже слышался благоговейный ужас. Он видел, как меняется свет. Вместо аморфного, рыхлого сияния, к которому маяк привык за века деградации, внутри медных направляющих рождалась упругая, звенящая от напряжения световая струна. — Структура поля... она схлопывается! Оно не хочет так сжиматься, смертный! Плотность эфира превышает критическую точку насыщения кристалла в четыре раза! Он взорвется!

— Не взорвется. Мы закольцуем обратную связь по принципу резонатора Фабри-Перо, — Родион с размаху вогнал медный клин между седьмой опорой и станиной, жестко фиксируя угол выходного зеркала. — Два встречных отражателя с коэффициентом девяносто девять и девять десятых процента. Мы заставим фотоны бегать туда и обратно сквозь кристаллическую решетку, накапливая вынужденное излучение с каждым проходом. А выходное окно приоткроем только тогда, когда плотность маны пробьет порог генерации!

Снизу раздался глухой удар и шипение десятка разъяренных змей.

— Залили! Мастер Родион, хладогель пошел! — заорал снизу Данила.

По медным трубам контура с глухим бульканьем хлынула вязкая, фосфоресцирующая индиговая жижа. В помещении фонарного отсека мгновенно упала температура. Пар от дыха-

ния Родиона превратился в ледяную крупу, оседающую на ресницах, а раскаленные медные шины отозвались низким, утробным стоном термоудара. По швам заклепок побежал седой иней.

[СИСТЕМА ОХЛАЖДЕНИЯ МАЯКА: АКТИВИРОВАНА]

[Теплоотвод: 840 МДж/сек]

[Температура рабочего тела оптического ядра: -42°C]

[Сверхпроводимость эфирных мана-шин: ДОСТИГНУТА]

— Отлично... — прохрипел Родион, поднимаясь на ноги и вытирая рукавом окровавленный лоб. — А теперь — главное. Центральный катадиооптический монолит.

Это был колосс весом в четыреста килограммов: цельный кусок черного глубинного кварца, добытого со дна Бездны еще в Первую Эпоху. Он висел на трех массивных цепях прямо в центре купола, окруженный двенадцатью кольцами линз Френеля.

Родион подошел к центральному пульту — чугунной плите с десятком бронзовых маховиков и рычагов с храповыми механизмами.

— Люмен. Занимай посадочное гнездо в ядре.

Дух замер в воздухе. Его оптоволоконная борода поблекла, превратившись в пепельно-серые нити:

— Если ты ошибся в юстировке хоть на долю градуса... обратный импульс не выйдет наружу. Он отразится внутрь. Меня разорвет на кварковые кванты, Родион. Я перестану существовать.

Родион посмотрел на крошечного духа единственным глазом — тяжелым, немигающим взглядом человека, который на Земле пережил взрыв высоковольтного тиристорного преобразователя и три клинические смерти.

— Если я ошибся, через тридцать минут эта стена пепла сотрет маяк в щебень, а нас развееет по дну в виде белковой пыли. Разница лишь в том, что со мной ты сдохнешь в попытке переломить законы вселенной через колено, а без меня — как трусливый светлячок под сапогом великана. Выбирай.

Секундная пауза показалась вечностью. Базальтовый монолит башни под ногами содрогнулся — первая сейсмическая волна Пепельного Прилива ударила в фундамент. С потолка посыпалась вековая известка вперемешку с засохшим пометом дозорных гарпий.

— Да поглотит твою душу Великая Тьма, земной червь, — прошипел Люмен и стрелой метнулся в узкую щель центральной фокальной камеры.

Кварцевый монолит загудел.

Сначала это был инфразвук — вибрация, от которой у Родиона свело зубы и заныли старые переломы. Затем тон поднялся до визга циркулярной пилы, вгрызающейся в броневую сталь. Из щелей медных кожухов ударили веера ослепительного, некогерентного белого света, выжигая тени в углах фонарного отсека.

Родион схватился за главный маховик юстировки фокусного расстояния. Ладони в грубых кожаных перчатках задымили от жара трения.

— Сведение! — зарычал он, наваливаясь на металл всем телом, чувствуя, как рвутся мышцы на спине. — Первое кольцо — тринадцать градусов! Второе — двадцать шесть! Третье — сорок один!

Храповики щелкали с пулеметной частотой. Тяжелые бронзовые зубчатые передачи с хрустом проворачивали многотонные каретки с линзами. В оптической системе возникла замкнутая петля. Свет внутри монолита перестал быть белым — под чудовищным давлением встречных зеркал и резонансных полостей он начал синеть, затем сместился в глубокий, хищный ультрамарин, а следом — в ледяной, потусторонний ультрафиолет на самой грани видимого спектра.

Воздух в помещении наполнился плотным, удушливым запахом озона и горящего кварца. Волосы на голове Родиона встали дыбом от колоссального электростатического потенциала.

И в этот момент мир вокруг него остановился.

Звук ревущей бури за окном смолк, словно кто-то перерезал акустический кабель. Капли хладогеля, капающие с треснувшей соединительной муфты, повисли в воздухе прозрачными синими бусинами.

Прямо перед единственным глазом Родиона реальность треснула, осыпаясь золотыми и багровыми системными глифами, которые складывались в монолитные строфы текста.

[ВНИМАНИЕ!]

[Зафиксировано фундаментальное переопределение принципов управления Фотонным Контуром класса «Абсолют»!]

[Отклонение от канонической мана-матрицы: 99.87%]

[Применены неизвестные Системе законы: Когерентность волн, Квантовая накачка резонатора, Вынужденное испускание фотонов, Геометрия Брюстера-Снеллиуса]

[Расчет совокупного коэффициента полезного действия оптической системы:]

[Прежний показатель: 11.4%]

[Текущий показатель: 98.62%]

[Плотность светового потока увеличена в: 8 420 раз]

[Зафиксировано рождение уникальной ветви развития!]

[Ваша текущая специализация [Ученик Механика Маяка] признана ничтожной и принудительно аннулирована без потери накопленного опыта.]

[Идет сканирование глубинной структуры души кандидата...]

[Обнаружен ментальный отпечаток иномирового технологического базиса: «Инженер-оптик / Специалист квантовой электроники».]

[Совместимость с Первородным Источником Света Бездны: 100% (Критическая суперпозиция).]

Глухой, металлический удар колокола прозвучал прямо в мозгу Родиона, отдаваясь пульсирующей болью в пустой глазнице.

[ВАМ ДОСТУПЕН СКРЫТЫЙ ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЙ КЛАСС:]

[ФОТОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ]

[Аспект: СТРАЖ СИНГУЛЯРНОСТИ]

[Принять инициацию?]

[Время на принятие решения: 00 : 03]

[00 : 02]...

— Принять, мать твою, — выдохнул Родион в застывшую пустоту. — До упора!

Вспышка боли была такой, будто ему в череп залили расплавленный свинец.

Пустая правая глазница взорвалась белым пламенем. Кожаная повязка мгновенно истлела, осыпаясь серым пеплом на его плечо. На месте выбитого много лет назад глаза из глубины глазного нерва проросли тончайшие нити из чистого, затвердевшего света — они переплетались, закручивались в спирали, формируя сложнейшую многолинзовую структуру органического хрусталика нового типа.

[Класс [Фотонный Смотритель / Страж Сингулярности] успешно интегрирован!]

[Ваше физическое тело адаптировано под работу с экстремальными световыми потоками.]

[Получена пассивная способность: «Фотонный Взор (Истинный спектр)» — вы способны видеть сквозь любые иллюзии, визуализировать распределение мана-

потоков, когерентность волн, плотность газов и векторы натяжения пространства в диапазоне от радиоволн до жесткого гамма-излучения.]

[Получена активная способность: «Коллимация Воли» — способность силой мысли стабилизировать оптические искажения в радиусе 50 метров и разгонять скорость накачки мана-кристаллов на 300%.]

[Получена активная способность: «Световой Пробой: Сингулярный Фокус» — перевод излучателя маяка в режим квазинепрерывного лазерного скальпеля колоссальной мощности.]

[Характеристики пересчитаны:]

[Восприятие: +45]

[Интеллект: +30]

[Стойкость: +25]

[Контроль эфира: +50]

Время сорвалось с цепи.

Звук вернулся оглушительным, сокрушительным ударом. Стекло купола задрожало. Капли хладогеля брызнули на пол.

Родион моргнул. Мир изменился навсегда.

Левым глазом он видел привычную, закопченную, холодную реальность фонарного отсека. Но правый... Правый глаз видел вихри силовой паутины. Он видел, как Люмен, превратившийся внутри кварца в ослепительный клубок яростных квантовых орбит, бьется о стенки резонатора. Он видел, как по медным шинам текут реки лазурной энергии, обтекая дефекты лития, и видел точки максимального механического напряжения в стальных балках маяка.

А взглянув в амбразуру, он увидел саму смерть.

[ДО ВХОЖДЕНИЯ В ФАЗУ «ПЕПЕЛЬНЫЙ ПРИЛИВ» ОСТАЛОСЬ:]

[00 : 18 : 42]

Стена пепла уже подошла вплотную. Она закрыла небосвод до самого зенита — исполинский монолит из кипящей серой взвеси, измельченных костей древних титанов и тяжелых мана-токсичных шлаков высотой не меньше километра. Стена катилась со скоростью товарного состава, сжимая перед собой воздух до состояния жидкого свинца.

Но худшее было впереди нее.

Из клубящегося пепельного мрака, опережая основной фронт прилива на несколько километров, вырвалась стая.

Это были Теневые Скаты Бездны — порождения чистой энтропии и первородного вакуума. Существа с размахом кожистых, сотканых из черного дыма крыльев от десяти до тридцати метров. Сотни, тысячи тварей скользили в воздушных потоках низкого давления, словно гигантские ожившие саваны. Их тела мерцали голодным, поглощающим свет серым маревом. У них не было глаз — они ориентировались на тепло и искры маны, и единственным ярким объектом на сотни лиг вокруг была верхушка их маяка.

— Мастер! Они идут! — истошный вопль Прохора снизу потонул в нарастающем клекоте и свисте разрезаемого воздуха. — Их тьма глушит защиту нижнего яруса! Руны гаснут!

Стая шла клином, целясь прямо в стеклянный купол фонаря. Первые особи уже раскрыли широкие, усаженные иглами полупрозрачные пасти, готовясь втянуть в себя остатки живого эфира башни и обрушить фонарный отсек в пропасть.

— Рано радуешься, падаль, — оскалился Родион.

Его новый правый глаз сфокусировался на центральном монолите. В воздухе перед ним развернулась тончайшая сетка прицельного интерфейса — не системного, а рожденного его собственным разумом и способностью [Фотонный Взор].

Он протянул руку и схватился за главный коммутационный рубильник выходного затвора. Рукоять обожгла ладонь холодом, но сквозь кожу в его нервную систему мгновенно ударил резонанс.

— Люмен! — мысленно рывкнул Родион прямо по оптоволоконной связи класса. — Прекращай удерживать спонтанное излучение! Полная инверсная заселенность достигнута! СБРОС ЗАПОРА!

— ДА БУДЕТ СВЕТ, БЕЗУМЕЦ! — завизжал дух маяка из глубин кристалла.

Родион рванул рубильник вниз.

Щелк.

Тяжелая заслонка из чистого карбида вольфрама упала в паз. Выходное окно резонатора Фабри-Перо открылось.

Все звуки мира снова исчезли, раздавленные физикой явления.

Это не было похоже на выстрел пушки или удар молнии. Это был звук рвущегося шелка пространства — сухой, оглушительный треск, перешедший в монотонный, вибрирующий на ультразвуке гул плотной плазмы.

Из выходного коллиматора маяка ударил луч.

Не рассеянный желтый свет дозорного фонаря, а монохроматический, абсолютно когерентный шнур концентрированного излучения толщиной всего в человеческую руку. Цвет его был невыносим для человеческого восприятия — ослепительная сине-фиолетовая игла с ярко-белым плазменным каналом в сердцевине.

Воздух на траектории луча мгновенно ионизировался. Кислород и азот превратились в светящуюся трубку сверхвысокого давления, породив ударную волну, которая со звоном вышибла остатки тяжелых смотровых стекол фонарного отсека наружу, осыпав карниз дождем осколков.

Луч пересек пространство над бездной со скоростью света. Без задержки. Без баллистической дуги.

Он ударил точно в центр ведущего теневого ската — колоссальную матку стаи с размахом крыльев под сорок метров.

Существо даже не успело издать предсмертный визг.

В точке касания луча температура скакнула за десятки тысяч градусов. Влага и эфирная эктоплазма внутри твари мгновенно перешли в перегретый пар, разорвав чудовище изнутри объемным термодинамическим взрывом. Но луч не остановился. Он прошел первую тварь насквозь, потеряв меньше доли процента мощности, вонзился во вторую, третью, пятую...

— [Коллимация Воли]! Секторная развертка! — прорычал Родион, налегая на рукояти гироскопического подвеса станины.

Он повел излучатель влево, срезая угол атаки стаи.

Тонкий синий луч превратился в гигантскую световую косу длиной в пять километров.

Там, где луч касался теневых тварей, физика магии терпела сокрушительный крах перед физикой термоядерных температур. Скаты не просто умирали — они аннигилировали. Крылья из темного дыма воспламенялись фотохимической реакцией, плоть превращалась в раскаленный пепел еще до того, как ударная волна отрывала им головы.

Небо над бездной озарилось десятками ослепительных вторичных взрывов. Словно невидимый исполинский хирург полосовал наступающую тьму лазерным скальпелем, оставляя в воздухе дымящиеся, светящиеся фосфорным огнем разрезы.

[Вы уничтожили: Теневой Скат Бездны (Ранг: Элита, Уровень 84) — 1 ед.]

[Вы уничтожили: Теневой Скат Бездны (Ранг: Ветеран, Уровень 78) — 14 ед.]

[Вы уничтожили: Малый Пепельный Нетопырь (Уровень 62) — 112 ед.]

[Получено опыта: 840 000]

[Внимание! Нанесен критический урон по группе целей: 4 120 500 ед. (Тип: Чистый фотонный распад / Термическая ионизация)]

Системные сообщения не просто бежали перед глазами Родиона — они захлебывались, сбиваясь в сплошную полосу золотого огня.

Остатки стаи — сотни демонических тварей, не знавших страха и веками жравших гарнизоны маяков, — в панике заверещали. Их первобытный инстинкт, древнее самой Бездны, взвыл от ужаса перед силой, которой здесь никогда не существовало. Они начали беспорядочно метаться, сталкиваясь крыльями, ломая собственный строй и падая в пропасть, лишь бы уйти с траектории звенящего синего луча.

Но Родион не отпускал манипуляторы.

Его здоровый глаз был налит кровью от перегрузки, а искусственный, сплетенный из световодов хрусталик правого глаза пылал внутренним солнцем, наводя луч на самые плотные скопления отступающего врага.

Каждое микронное движение рукояти отзывалось на дистанции в километры гибелью десятков порождений тьмы. За двенадцать секунд непрерывной генерации авангард прилива перестал существовать. От полуторатысячной стаи остался лишь медленно оседающий на скалы светящийся прах да висящие в воздухе озоновые кольца.

Медные трубы системы охлаждения были. Хладогель внутри них закипел, превращаясь в густой бурый пар, который со свистом сраивался через предохранительные клапаны прямо в бурю. Корпус центрального кварцевого монолита раскалился до темно-вишневого свечения, а Люмен внутри него стонал от экстаза и боли, отдавая в луч последние крупинки своего эфирного естества.

Родион отпустил рычаг подачи и плавно перевел затвор в режим дежурного удержания.

Когерентный шнур погас.

Мир вокруг маяка снова погрузился в полумрак, но теперь это был другой полумрак. Воздух звенел от тишины. На сотни метров вокруг башни на многие лиги вперед туман был выжжен до основания — луч прорезал в наступающей тьме идеально ровный круглый тоннель с оплавленными, стекленеющими краями испаренной взвеси.

Снизу, с винтовой лестницы, медленно, боясь дышать, поднялись головы Данилы и Прохора. Лица мужиков были белыми, как мел, а челюсти безвольно отвисли. Они смотрели то на пустое небо, где только что бушевала смертоносная стая, то на Родиона.

Родион стоял у раскуроченной, дымящейся станины. Его лицо было черным от копоти, на месте правого глаза в глубине глазницы мерцала сложная призматическая линза, пульсирующая холодным сапфировым светом, а из распахнутого ворота изодранной рубахи шел густой пар.

— Мастер... — прошептал Данила, падая на колени прямо в лужу отработанного хладогеля. — Вы... вы что сотворили, мастер?.. Это ж... это ж не свет Авроры... Это кара небесная...

Люмен с тихим шуршанием вытек из смотрового люка кварцевой камеры. Дух маяка уменьшился в размерах вдвое, его оптоволоконная борода осыпалась наполовину, но сам он дрожал от лихорадочного, безумного торжества:

— КПД... девяносто восемь процентов... — шептал он иссохшим, трескучим голоском. — Ни единого рассеянного фотона... Клянусь Бездной, мы сожгли их до субатомного уровня... Мы боги, смертный... Мы истинные боги света!..

— Заткнись, Люмен, — глухо бросил Родион, сплевывая на пол горькую слюну с привкусом меди. Рукавом он вытер кровь, бегущую из носа. — Хватит скулить. Это были всего лишь комары.

Он подошел к краю открытой площадки и оперся ладонями на засыпанный стеклянной крошкой чугунный парапет.

Ветер с ревом хлестал по его лицу, трепля сожженные волосы.

Прямо перед ними, в пяти километрах, приближалась настоящая буря.

Стена Пепельного Прилива — чудовищный монолит из кипящей тьмы и древней ярости — заполнила собой весь горизонт. Она двигалась неумолимо, стирая само пространство, и внутри нее уже ворочались циклопические тени тех, для кого даже тысячеградусный лазерный луч был лишь уколом булавки.

[ДО ВХОЖДЕНИЯ В ФАЗУ «ПЕПЕЛЬНЫЙ ПРИЛИВ» ОСТАЛОСЬ:]

[00 : 04 : 19]

[00 : 04 : 18]...

Родион прищурил свой новый, фотонный глаз, рассчитывая резонансную частоту следующего импульса и вводя поправку на плотность наступающего пепла:

— Данила, тащи вторую бочку хладогеля, — спокойно произнес он. — Переходим на импульсно-периодический режим накачки. Сейчас мы покажем этой Бездне, что такое абсолютная температура.

Глава 4. Пепельный Прилив первой волны

Четыре минуты. В масштабах вечности Бездны — ничтожная пылинка, квантовая флуктуация. В масштабах осажденного маяка — пропасть между существованием и полным стиранием в атомарную пыль.

— Данила! Шевели костями, если жить хочешь! — рявкнул Родион, не оборачиваясь.

Его голос, пропущенный сквозь обожженные связки и звон в ушах, лязгнул подобно тупому зубилу по наковальне. Пальцы Смотрителя, закованные в тяжелые тактические перчатки из многослойного огнеупорного волокна, уже летали над распределительной панелью главного фокусирующего кольца. Механизм клинил. Шестеренчатая передача из метеоритного чугуна визжала на ультразвуковых частотах: один из сервоприводов оплавился во время предыдущего залпа, превратив смазку в черный коксующийся шлак.

— Тащу, мастер! Тащу, прокляни ее Левиафан! — донесся снизу надсадный, срывающийся хрип ученика.

С лестничного пролета, ведущего на нижние технические ярусы, повалил сизый, леденящий пар. Данила волок на специальной гидравлической тележке трехсоткилограммовый ребристый бочонок «Криогеля-7». Металл емкости мгновенно покрывался пушистой шубой колючего инея при соприкосновении с влажным, пропитанным солью и гарью воздухом площадки. Колеса тележки с грохотом прыгали по выбоинам в базальтовых плитах, высекая искры из застрявших осколков кварцевых призм.

Люмен, мерцающий сгусток чистого света, завис над центральным инжектором. Его волоконная борода, поредевшая и похожая на обгоревший пучок стекловаты, нервно подергивалась. Дух маяка засунул обе свои бесплотные руки прямо в открытый фланец расширительной камеры:

— Тонкая настройка сбита на ноль целых четыре десятых угловых секунды! — верещал он, и в его голосе слышались панические гармоника, напоминающие скрежет стекла по жести. — Если ты подашь импульс сейчас, Родион, интерференционная решетка треснет к чертям собачьим! Нас размажет отраженной волной! Мы вскипим! Я не хочу испариться, я слишком молод, мне всего четыреста восемьдесят лет!..

— Заткнись и калибруй выходные сопла, — оборвал его Родион.

В глубине правого глаза Смотрителя шелкнул микрометрический механизм. Сапфировая линза повернулась по своей оси на сорок пять градусов, с сухим потрескиванием активируя второй слой оптических диафрагм. Картинка перед мысленным взором Родиона мгновенно трансформировалась: окружающий мир потерял привычные цвета, распавшись на изотермические контуры, градиенты плотности и векторные потоки эфирного давления.

[ВНИМАНИЕ: АКТИВИРОВАН «ФОТОННЫЙ АНАЛИЗАТОР БЕЗДНЫ (МОДИФИЦИРОВАННЫЙ)»]

[ТЕКУЩИЙ УРОВЕНЬ НАГРУЗКИ НА ЗРИТЕЛЬНЫЙ НЕРВ: 74%]

[ВЕКТОР НАБЕГАЮЩЕЙ ВОЛНЫ: 284° СЕВЕРО-ЗАПАД]

[СКОРОСТЬ ФРОНТА ПЕПЕЛЬНОГО ПРИЛИВА: 72 М/С]

[ПЛОТНОСТЬ АБИССАЛЬНОЙ ВЗВЕСИ: КРИТИЧЕСКАЯ]

[ДО КОНТАКТА: 00:03:12]

— Подключай магистраль к контуру преднакачки! — скомандовал Родион подоспевшему Даниле.

Парень, задышавшись, вогнал толстый бронированный шланг в приемное гнездо манифольда. Замки-байонеты с лязгом защелкнулись. Данила повернул трехходовой вентиль, навалившись на него всем телом. Шланг мгновенно одеревенел, издав глухой гидравлический стон, когда жидкий хладагент под давлением в восемьдесят атмосфер устремился в охлаждающие

рубашки рубиновых стержней. Площадку заволокло туманом абсолютного холода, под ногами громко захрустела замерзающая грязь. Температура вокруг раскуроченной станины рухнула на сорок градусов за долю секунды.

Родион схватил тяжелый вороток ручной юстировки. Резьба пошла с трудом, кроша нагар. Смотритель натянул жилы на шее, чувствуя, как свежие бинты на плече промокают сукровицей.

Его задачей было не просто выстрелить. Одиночный луч, каким бы разрушительным он ни был, против грядущей массы — все равно что игла против схода лавины. Ему требовался расщепленный веерный барьер. Кольцевой секторный срез, работающий на грани частоты Доплера.

— Люмен, связи отражатели три, семь и двенадцать в синфазную цепь!

— Но это же утроит дифракционную потерю на периферии! — пискнул дух, зарываясь глубже в фотонные каналы.

— Делай, мать твою! Мы срежем их не мощностью, а частотой стробирования! Переводи зеркала в режим конического развертывания!

Пальцы Родиона коснулись сенсорных рун на плите управления. Древняя медь отозвалась покалывающим электрическим разрядом, подтверждая симбиотическую связь с ядром маяка.

[ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ ПРОТОКОЛА: «ПЕРИМЕТР: АБСОЛЮТНЫЙ ВЕЕР»]

[ТИП ИЗЛУЧЕНИЯ: КОГЕРЕНТНЫЙ ИМПУЛЬСНО-ПЕРИОДИЧЕСКИЙ]

[СЕКТОР ПОКРЫТИЯ: 270 ГРАДУСОВ]

[РАСЧЕТНАЯ ЧАСТОТА ИМПУЛЬСОВ: 1 200 ГЦ]

[РАСХОД МАНА-ТОПЛИВА: 450 ЕД/СЕК]

[СТАТУС ОХЛАЖДЕНИЯ: СТАБИЛИЗАЦИЯ (ТЕМПЕРАТУРА СЕРДЕЧНИКА: -85 °C)]

— Готово... святые шестеренки, оно готово! — взвизгнул Люмен. Вокруг массивного наверхия маяка, где на гироскопических подвесах покоились девятиметровые полированные зеркала из сплава звездного серебра и орихалка, пробежали синие дуговые разряды. Зеркальные лепестки с тихим свистом начали разворачиваться наружу, формируя подобие гигантского тюльпана, обращенного чашей к разверзшейся бездне океана.

Оставалось меньше двух минут.

Родион выпрямился и шагнул к парапету. Ветер здесь дул с такой яростью, что казался осязаемой стеной из мокрого песка и битого базальта. Воздух горчил пеплом — жирным, маслянистым, пахнущим тухлой рыбой, серой и первобытным гниением. Это был запах самой Бездны, выблевающей свои недра на поверхность суши.

Черный океан внизу сошел с ума.

Там больше не было волн в привычном понимании. Была гигантская, колышущаяся масса черной смолы, вздымающаяся водяными хребтами высотой с пятиэтажный дом. Миллионы тонн соленой черной жижи с чудовищным грохотом разбивались об основание монолитного утеса, на котором стоял маяк. Ударная волна сотрясала тысячелетнюю скалу до самого фундамента; вибрация поднималась вверх по спиральным лестницам, отзываясь мелкой дрожью в зубах Родиона.

Но страшнее океана было то, что шло вместе с ним.

Стена Пепельного Прилива подошла вплотную. Это был исполинский шквал высотой в полкилометра — фронт взвешенного вулканического праха, переплетенного черными молниями. Внутри этой тьмы бурлила ярость, не знающая разума. А под прикрытием шквала, поднимаясь из пучины на отвесные базальтовые кручи, ползла Первая Волна.

Сапфировая линза Родиона сфокусировалась на подножии скалы.

Сначала показалось, что сам камень ожил и потек вверх вопреки законам гравитации. Но спустя секунду система выдала первые маркеры идентификации целей. Их было не десятки. Не сотни.

Тысячи. Десятки тысяч.

[ВНИМАНИЕ: ОБНАРУЖЕНА МАССОВАЯ АТАКА ПЕРЕДОВОГО ЭШЕЛОНА]

[КЛАССИФИКАЦИЯ: АБИССАЛЬНЫЕ МУТАНТЫ ПЕРВОГО И ВТОРОГО РАНГОВ]

[ОПРЕДЕЛЕННЫ ОСОБИ:

- ИГЛОПАНЦИРНЫЙ СКАЛОЛАЗ (УР. 65-72) — МНОЖЕСТВЕННО

- ГЛУБОКОВОДНЫЙ ХИЩНИК-ТРИБРАХИЙ (УР. 70-78) — МНОЖЕСТВЕННО

- СЕГМЕНТИРОВАННЫЙ ТРУПОЕД РИФОВ (УР. 80-84) — ВЫСОКАЯ ПЛОТНОСТЬ

- ОБСИДИАНОВЫЙ ПАРАЗИТ-БУРИЛЬЩИК (УР. 68-75) — МАССОВО]

[ОБЩИЙ РАСЧЕТНЫЙ ОБЪЕМ ОРДЫ: 14 000+ ЕДИНИЦ]

[СКОРОСТЬ ВОСХОЖДЕНИЯ: 18 М/С]

[ВРЕМЯ ДО ПРЕОДОЛЕНИЯ ПЕРВОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РУБЕЖА: 42 СЕК]

Отвесный утес высотой в триста метров покрылся сплошным шевелящимся ковром. Это были твари, порожденные чудовищным давлением глубоководных впадин и искаженные скверной Пепельного Прилива. Многосуставчатые лапы, усеянные крючьями из органического алмаза, с треском вгрызались в монолитный камень. Чешуйчатые сегментированные тела извивались, из пастей-воронок, утыканных концентрическими кругами зубов, хлестала пена, шипящая при контакте с воздухом. Глаз у тварей не было — лишь слепые наросты эхолокаторов и светящиеся мутным зеленым фосфором железы на спинах.

Они не издавали звуков, похожих на крики земных зверей. Они скрежетали. Миллионы костяных сочленений, трущихся о базальт, сливались в единый сводящий с ума гул, перекрывающий даже рев шторма. Будто гигантский рашпиль сдирал кору с самой планеты.

— Мастер... — Данила выглянул из-за зубчатого края парапета, и его лицо побелело до синевы. Руки парня, держащие запасной магниевый ключ, мелко затряслись. — Они же... они же за минуту поднимутся сюда. Их слишком много! Их тут больше, чем при падении Форта-Тринадцать!..

— Данила, — Родион не повернул головы, но голос его звучал пугающе ровно, — встань за аварийный шунт мана-провода. Если показатель давления перевалит за красную риску, держай рычаг на себя на четверть хода. Не больше. Если дернешь сильнее — сорвет охлаждение, и мы сгорим. Если не дернешь вовсе — нас сожрут. Усек?

— У... усек, мастер.

— Вот и стой насмерть.

Родион положил ладони на массивные кованые рычаги ручного наведения.

[00 : 00 : 05]

[00 : 00 : 04]

[00 : 00 : 03]

[00 : 00 : 02]

[00 : 00 : 01]

[ФАЗА «ПЕПЕЛЬНЫЙ ПРИЛИВ»: АКТИВНА]

Черный океан вздыбился колоссальным водяным куполом. Первые отряды Иглопанцирных Скалолазов уже преодолели нижнюю треть утеса, двигаясь с ошеломляющей ловкостью членистоногих чудовищ. Передовые особи выбросили из сочленений длинные упругие жгуты, цепляясь за выступы и подтягивая свои массивные четырехметровые туши. Следом за ними,

буквально по спинам сородичей, накатывали сегментированные трупоеды — бронированные многоножки толщиной со стволы вековых дубов.

— Ну что, твари, — прошептал Родион сквозь стиснутые зубы. — Добро пожаловать на маяк.

Его пальцы вдавили спусковые контакты до упора.

Мир исчез.

Звук выстрела не был грохотом или взрывом. Это был сухой, ослепительный треск, с каким разрывается само полотно пространства, если его резать тупыми ножницами. Воздух на смотровой площадке мгновенно превратился в плазму, выжигая остатки кислорода.

Из чаши зеркального тюльпана ударил не один луч.

Благодаря ювелирной геометрии призм и бешеному вращению внешней полигональной обоймы, оптическая система развернула поток когерентного света в горизонтальный веер. Тончайшая, толщиной не более волоса, но плотная, как лезвие гильотины, плоскость ослепительного сапфирово-фиолетового сияния раскрылась на двести семьдесят градусов, накрывая весь залив и скальный периметр.

Частота стробирования в тысячу двести герц превратила луч в подобие циркулярной пилы диаметром в четыре километра.

[ВЫХОДНАЯ МОЩНОСТЬ: 14.8 ТЕРАВАТТ В ИМПУЛЬСЕ]

[ТЕМПЕРАТУРА В ТОЧКЕ ФОКУСИРОВКИ: 12 000 °K]

[ИНТЕРФЕРЕНЦИОННЫЙ РЕЖИМ: АКТИВЕН]

Первая тысяча монстров даже не поняла, как наступила смерть.

Фотонный веер, повинаясь плавному движению манипуляторов в руках Родиона, скользнул вниз по вертикальной стене утеса, словно опускающееся лезвие колоссального бритвенного станка.

Там, где сапфировый свет касался базальта, камень мгновенно вскипал. Не плавился — именно испарялся, взрываясь фонтанами ослепительно-белого силикатного газа. А когда этот луч встречал органику и хитин, законы биологии переставали действовать.

Панцири Иглопанцирных Скалолазов, способные выдержать прямое попадание из корабельных орудий, лопались от чудовищного теплового удара. Внутриклеточная жидкость монстров мгновенно переходила в перегретый пар, разрывая их тела изнутри с синхронным треском, напоминающим лопающуюся на сковороде кукурузу — только усиленную в миллионы раз.

Веер света резанул по отвесной стене.

Срез был хирургически точным. Верхние половины сотен тварей соскользнули со скалы, продолжая судорожно скрести лапами по пустоте, в то время как нижние оставались намертво впаянными в оплавленный, остекленевший камень. Кровь глубоководных чудовищ — густая, черная, фосфоресцирующая жижа — вспыхивала факелами, не успевая долететь до камней.

Воздух наполнился удушливым смрадом горелой плоти, паленой кости и паров белого фосфора.

— Держи сектор три! — закричал Родион, перехватывая перегретую рукоять. — Сегментированные прут уступом! Хотят продавить массой!

Данила обеими руками вцепился в аварийный рычаг. Парень был весь мокрый от пота, его лицо закоптилось, а глаза расширились от дикого, животного ужаса пополам с первобытным восторгом. Сквозь манометр контура охлаждения было видно, как стрелка пляшет у самой красной черты, дрожа мелкой судорогой.

— Давление четырехста! Мастер, клапаны не сбрасывают! Иней на трубках плавится!

— Люмен! Шунтируй излишки тепла на внешние радиаторы площадки! — скомандовал Родион.

— Ты с ума сошел?! — взвыл дух маяка, кружась внутри оптического блока слепящим вихрем. — У нас пол под ногами раскалится докрасна! Твой подмастерье поджарится, как моллюск на углях!

— Шунтируй, кому сказано! Данила, на ящики прыгай! На изолирующие маты!

Данила среагировал мгновенно, поджав ноги и взгромоздившись на ящик из асбестового композита как раз в ту секунду, когда чугунные плиты настила под станией глухо зарокотали и налились багровым, зловещим светом. Воздух над полом заколыхался маревом, подошвы сапог Родиона зашипели, запахло жженой резиной.

Но Смотритель даже не шелохнулся.

Его фотонный глаз работал на пределе пропускной способности. В зрительную кору непрерывным водопадом лились данные: векторы перемещения целей, толщина брони, температурные градиенты, точки упреждения. Родион повел рычагами, заставляя зеркальный цветоток маяка совершить сложнейшее колебательное движение.

Горизонтальный веер лазера дрогнул, расщепился на три параллельные плоскости и начал пульсировать с возрастающей частотой.

Это была мясорубка планетарного масштаба.

Луч срезал не только тех, кто полз по скале. Родион задрал угол возвышения зеркал на полтора градуса, бросая сапфировый клинок прямо в набегающие черные валы океана.

Результат превзошел все ожидания.

Когда пучок когерентных фотонов чудовищной плотности врезался в гребень стометровой волны Пепельного Прилива, произошел тепловой взрыв. Вода не просто испарилась — она мгновенно распалась на водород и кислород с последующей термобарической детонацией. Вдоль всей береговой линии на протяжении трех километров взметнулась стена ослепительного пламени.

Глубоководные Хищники-Трибрахии — шестиметровые чудовища с массивными костяными таранами вместо голов, готовившиеся совершить прыжок на нижние галереи маяка, — были застигнуты прямо в толще воды. Волна за их спинами сдетонировала, превратившись в паровой ударный кулак. Тварей с чудовищной силой швырнуло о скалы, ломая их многослойные скелеты, а следом прошедший луч лазера рассек контуженные туши вдоль хребтов, выпуская наружу дымящиеся внутренности.

Системный интерфейс перед глазами Родиона превратился в сплошную зеленую ленту непрекращающихся оповещений:

[УНИЧТОЖЕН: ИГЛОПАНЦИРНЫЙ СКАЛОЛАЗ (УР. 68) — ПОЛУЧЕНО 4 200 ОПЫТА]

[УНИЧТОЖЕН: СЕГМЕНТИРОВАННЫЙ ТРУПОЕД (УР. 81) — ПОЛУЧЕНО 11 500 ОПЫТА]

[КРИТИЧЕСКИЙ ТЕПЛОВОЙ УДАР: ОБСИДИАНОВЫЙ ПАРАЗИТ (ГРУППА ИЗ 42 ОСОБЕЙ)]

[ВЫ РАЗРУШИЛИ СТРУКТУРУ АТАКИ «АБИССАЛЬНЫЙ КЛИН»]

[МАКРО-РАСЧЕТ УРОНА: 1 840 000 ЕДИНИЦ (ТИП: ЧИСТЫЙ СВЕТ / ТЕРМИЧЕСКИЙ)]

[ВАШ УРОВЕНЬ БЛИЗОСТИ К РАНГУ «АРХИТЕКТОР ФОТОННОГО ГОРНА»: 89.4%]

Поток сырого боевого опыта был настолько плотным, что у Родиона перехватило дыхание. В висках застучали раскаленные молоты, сосуды глазного дна левого, органического глаза лопнули, заливая белок алой кровью. Но он не закрывал глаз. Он чувствовал, как энергия Бездны, очищенная и переработанная горнилом маяка, вливается в его энергетические каналы, восполняя истраченную ману и требуя нового выхода.

— Еще! — прохрипел Родион, и в его голосе прорезались нотки того же холодного, математического безумия, которым секундой ранее фонтанировал Люмен. — Данила, продувка второго контура! Переведи форсунки на перекрестное распыление!

— Есть продувка! — Данила, преодолевая ужас, действовал уже на чистых рефлексах вбитой за месяцы службы муштры. Он метнулся ко второй задвижке, срывая с нее стопорную чеку.

Струи хладагента с шипением ударили в перегретые каретки зеркал. Белые клубы пара на мгновение скрыли горизонт, но сквозь эту завесу лазерные лучи смотрелись еще страшнее — три гигантских сапфировых мечей, рассекающих клочья тумана и опускающихся все ниже, к самой кромке кипящего прибора.

Однако Бездна не собиралась отступать так просто.

Из глубины набегающего пепельного монолита, сквозь вой испаряющейся воды и грохот рушащихся базальтовых пластов, донесся новый звук. Низкий, инфразвуковой гул, от которого завибрировали кости в теле и помутилось в глазах.

Поверхность океана в километре от маяка вспучилась черным смоляным куполом. Вода расступилась, обнажая исполинские хребты существ, перед которыми даже сегментированные трупоеды казались мелкими червями.

[ВНИМАНИЕ: ЗАФИКСИРОВАН ВЫХОД ТЯЖЕЛЫХ ЕДИНИЦ ПРОРЫВА]

[КЛАССИФИКАЦИЯ: ПЕПЕЛЬНЫЙ ДРОБИТЕЛЬ РИФОВ (ЭЛИТНЫЙ УР.

95) — 3 ОСОБИ]

[ОСОБЕННОСТЬ: АБИССАЛЬНАЯ ПРИЗМАТИЧЕСКАЯ БРОНЯ]

[КОЭФФИЦИЕНТ ОТРАЖЕНИЯ СВЕТОВОГО ПОТОКА: 65 %]

[ВЕРОЯТНОСТЬ РИКОШЕТА: КРИТИЧЕСКАЯ]

Из черной жижи поднялись три циклопические туши, напоминающие бронированных осадных черепах, скрещенных с глубоководными кракенами. Каждая из них достигала сорока метров в поперечнике. Их панцири не были органикой — это были цельные плиты из черного зернистого обсидиана, выращенного в жерлах подводных тектонических разломов. Поверхность этих панцирей блестела жирным металлическим блеском, преломляя свет вспышек.

Дробители не лезли на скалу. Они шли сквозь прибор, вздымая вокруг себя волны кипящей грязи, и их массивные, увенчанные костяными коронами головы медленно поднимались вверх, прямо к сияющей чаше маяка. Грудные клетки чудовищ начали раздуваться, испуская тусклое фиолетовое свечение — они накапливали заряд пепельной плазмы для встречного залпа.

— Мастер! — взвизгнул Данила, указывая пальцем в затянутую паром бездну. — Они зеркальные! Луч от них отскакивает!

Родион и сам это видел.

Один из периферийных лучей коснулся спины передового Дробителя — и с ослепительным снопом брызг срикошетил в сторону, срезав верхушку соседнего необитаемого рифа, как верхушку вареного яйца. Тварь даже не замедлила ход. Ее обсидиановый щит лишь слегка потемнел, рассеивая тераваттный импульс по сложной кристаллической решетке чешуи.

— Отскакивает, говоришь? — оскалился Родион. По его подбородку текла теплая кровь из разбитой губы, но в глазах горел расчет. — Закон преломления Снеллиуса никто не отменял. Даже в твоей вонючей Бездне, мразь.

Смотритель вырвал из гнезда ручной контроллер поляризации.

— Люмен! Выходи из синхронизации зеркал! Немедленно!

— Ты спятил?! Мы потеряем веер! Мелочь прорвется по флангам!

— Плевать на мелочь! Собирай всю накачку в интерференционный фокус! Данила — глуши третий и четвертый излучатели, переводи весь хладагель на центральный рубин! Живо!

Ученик бросился к вентилям, сбивая в кровь костяшки пальцев о заиндевевший металл. Он крутанул тяжелый маховик, отсекая периферийные ветви охлаждения. Зеркальный тюльпан на вершине маяка дрогнул. Широкий, косивший орду веер лучей мигнул и погас.

В ту же секунду наступила обманчивая, зловещая темнота, разорванная лишь багровым свечением нагретого пола и фосфорными огнями карабкающихся тварей. Лишенные смертоносного барьера, тысячи недобитых скалолазов с утроенной яростью рванули вверх по остекленевшему утесу. Их когти визжали по оплавленному камню всего в сорока метрах под площадкой. Снизу дохнуло трупным ядом и кислотой.

— Мастер, они близко! Они уже на среднем карнизе! — орал Данила, хватаясь за рукоять станкового огнемёта, закрепленного на парапете.

— Стой на месте! — рявкнул Родион.

Его руки двигались с безупречной, машинной точностью. Вращая кольца поляризатора, он совмещал оптические оси центрального кристалла с сапфировой линзой собственного глаза. Он стал частью цепи. Проводником. Живым оптическим прицелом.

[СВЕРХКОНЦЕНТРАЦИЯ ЛУЧА: РЕЖИМ «ИГОЛЬНЫЙ ПРОКОЛ»]

[ДЛИНА ВОЛНЫ: СМЕЩЕНИЕ В УЛЬТРАФИОЛЕТОВЫЙ ДИАПАЗОН (210 НМ)]

[ЭНЕРГИЯ В ИМПУЛЬСЕ: 85 ТЕРАДЖОУЛЕЙ]

[РАСЧЕТНАЯ ТОЧКА ПОПАДАНИЯ: РЕЗОНАНСНЫЙ УЗЕЛ ОБСИДИАНОВОГО ПАНЦИРЯ]

[ВЕРОЯТНОСТЬ САМОРАЗРУШЕНИЯ СИСТЕМЫ: 22%]

Передовой Дробитель раскрыл челюсти. В его глотке закручивался шар черной бурлящей плазмы, готовый сорваться в полет и снести верхушку маяка вместе со всеми его обитателями.

— Лови, сука, — выдохнул Родион.

И нажал спуск.

Не было ни веера, ни полосы. Был луч толщиной не больше человеческого пальца. Абсолютно белый. Настолько яркий, что ночное небо над заливом на микросекунду вспыхнуло полуденным светом, обнажив черные разорванные тучи и гигантские водяные смерчи на горизонте.

Луч ударил ровно в центр обсидианового щита первого монстра — туда, где пластины брони сходились над нервным узлом.

Защитная решетка твари попыталась отразить свет. Но этот импульс не грел поверхность — он нес в себе квантовую частоту, настроенную на собственный резонанс кристаллического кремния. Луч вошел в толщу брони без сопротивления, как раскаленная игла в кусок топленого масла.

А через сотую долю секунды внутри сорокаметрового чудовища сдетонировала накопленная им же энергия плазменного заряда.

Дробителя разорвало.

Это не было просто разрушением плоти. Чудовищная вспышка внутреннего взрыва разнесла обсидиановый панцирь на миллионы бритвенно-острых осколков, которые ударили во все стороны со сверхзвуковой скоростью. Ударная волна смела наступающие следом ряды мутантов, размолотив их в жидкую кашу. Вторая элитная тварь, шедшая следом, получила заряд обсидиановой шрапнели прямо в незащищенные жаберные щели и с глухим ревом завалялась на бок, погружаясь в кипящую пену прибойа.

Не останавливаясь ни на миг, Родион повел стволом оптического резонатора влево.

Белая игла света чиркнула по черепу третьего Дробителя. Луч вошел в глазную впадину чудовища и вышел через основание хвоста, прошив сорок метров брони, мяса и костей насквозь. Внутренности твари вскипели за миллисекунду, вышибив пластины брюшной брони

столбом перегретого жира и пара. Исполин рухнул на колени, перегораживая своей дымящейся тушей узкий проход между рифами и давя сотни карабкающихся за ним паразитов.

[УНИЧТОЖЕН: ПЕПЕЛЬНЫЙ ДРОБИТЕЛЬ РИФОВ (ЭЛИТНЫЙ, УР. 95) — 185 000 ОПЫТА]

[УНИЧТОЖЕН: ПЕПЕЛЬНЫЙ ДРОБИТЕЛЬ РИФОВ (ЭЛИТНЫЙ, УР. 95) — 185 000 ОПЫТА]

[ВНИМАНИЕ: СЕРДЕЧНИК ПЕРЕГРЕТ! ТЕМПЕРАТУРА: 1 540 °C]

[КРИТИЧЕСКАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ВЫХОДНОЙ ПРИЗМЫ!]

— Родион, назад! — взвизгнул Люмен. — Разгружай контур, иначе мы взлетим на воздух!

Родион отпустил рычаги. Его руки тряслись от колоссального напряжения, ладони в перчатках дымились — синтетическая ткань прикипела к рукояткам управления.

Однако передышки не было. Твари, лезшие по скале, воспользовались заминкой. Первый Иглопанцирный Скалолаз уже перевалил многосуставчатую клешню через чугунный парапет смотровой площадки всего в трех метрах от Данилы. Круглая пасть монстра, утыканная вращающимися зубами-пилами, распахнулась, брызжа едкой пеной.

Данила закричал — не от страха, а от дикой, отчаянной ярости. Бросив гаечный ключ, он схватил обеими руками сопло аварийного шланга, из которого под давлением хлестал остаточный жидкий «Криогель-7», и направил ледяную струю прямо в морду чудовища.

Температура в минус двести градусов сделала свое дело. Органическая плоть и хитин монстра мгновенно остекленели, покрываясь толстой коркой синего льда. Зубы твари заклинило на полуобороте.

— Получай, падаль! — заорал Данила и со всей силы врезал тяжелым титановым сапогом по замороженной морде.

Голова монстра раскололась, как стеклянная елочная игрушка, осыпавшись на пол площадки сотней звенящих ледяных осколков. Обезглавленная туша потеряла сцепление с камнем и с глухим шорохом рухнула вниз, сбивая за собой еще десяток тварей, спешащих вверх.

— Отставить рукопашную! — рявкнул Родион, шатаясь от накотившей слабости, но уже взводя резервную батарею конденсаторов. — Люмен, возвращай веерный режим! Минимальная накачка, круговая зачистка на триста шестьдесят! Добей остатки на карнизах!

Дух маяка, поняв, что худшее позади, расправил свою потрепанную оптическую бороду:

— Слушаюсь, о безумнейший из смертных! Запускаю вспомогательную развертку! КПД падает до семидесяти процентов, но для этой швали хватит и рассеянного луча!

Зеркальный цветок снова ожил.

Сапфировое сияние, пусть и не столь ослепительное, как при первом залпе, мягким полукругом легло на кромку обрыва. Лазер начал методично, словно гигантский дворник на лобовом стекле, ходить туда и обратно по отвесной стене утеса. Каждый проход луча срезал гроздь цепляющихся мутантов, превращая их в пылающие факелы, летящие в бездну.

Шквал пепла вокруг маяка начал редеть.

Первая волна захлебнулась. Океан у подножия утеса был сплошь покрыт толстым слоем черной пены, плавающими кусками обугленного хитина и мертвыми телами, которые лениво перекачивали черные маслянистые волны. Базальтовая скала, веками стоявшая неприступной твердыней, на десятки метров вокруг маяка остекленела, превратившись в гладкое, дымящееся зеркало застывшей лавы, по которому больше не могла вскарабкаться ни одна тварь.

[СИСТЕМНОЕ СООБЩЕНИЕ]

[ОТРАЖЕНА ПЕРВАЯ ВОЛНА ПЕПЕЛЬНОГО ПРИЛИВА]

[УНИЧТОЖЕНО ПРОТИВНИКОВ: 12 480 / 14 000]

[ОСТАТОЧНЫЕ СИЛЫ ВРАГА: РАССЕЯНЫ В ПРИБРЕЖНОЙ ЗОНЕ]

[ПОЛУЧЕНО ВСЕГО ОПЫТА ЗА ФАЗУ: 1 420 500]

[ВНИМАНИЕ: ДОСТУПНО ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ! ТЕКУЩИЙ УРОВЕНЬ: 88 -> 89]

[ПРОЧНОСТЬ СТРУКТУРЫ МАЯКА: 71%]

[ЗАПАС ХЛАДАГЕНТА: 12%]

[ТЕМПЕРАТУРА ОПТИЧЕСКОГО УЗЛА: МЕДЛЕННОЕ СНИЖЕНИЕ...]

Родион тяжело оперся грудью на парапет, шумно втягивая ноздрями холодный, пахнущий озоном и горелым мясом воздух. Его трясло крупной дрожью — сказывался откат после перегрузки фотонного импланта. Из правого глаза, сквозь стыки сапфировых микролинз, сочилась бесцветная лимфа, смешанная с кровью, капая на раскаленный чугунок парапета и с тихим пискотом испаряясь.

Данила без сил сполз по стенке ящика прямо на покрытый инеем пол. Его колотило, дыхание вырывалось из горла хриплыми свистящими толчками.

— Мы... мы отбились?... — прошептал он, глядя на учителя снизу вверх мутными от пережитого кошмара глазами. — Мастер... мы их всех сожгли?..

Люмен медленно вытек из вентиляционной щели центральной колонны. Дух стал полупрозрачным, похожим на полинялое северное сияние, и едва держался в воздухе:

— Варвары... дикари... — проскрипел он, но в его трескучем шепоте сквозило неподдельное благоговение. — Вывели оптику на двести сорок процентов номинала... Рубиновый сердечник покрылся микротрещинами... Еще один такой залп, Родион, и мы превратимся в сверхновую местного масштаба...

Родион медленно поднял руку и вытер лицо тыльной стороной закопченной перчатки. Он посмотрел вдаль, туда, где затухали последние отблески сапфирового веера.

Там, в пяти километрах от берега, Стена Пепельного Прилива не исчезла.

Она лишь замедлила свой бег, словно взяв паузу перед настоящим ударом. И теперь, когда пена первой волны осела, внутри этой многокилометровой завесы из кипящей тьмы начали зажигаться другие огни.

Не мутный зеленый фосфор пушечного мяса.

Огромные, багровые, холодные солнца глаз тех тварей, что дремали на дне Марианских разломов Бездны еще до того, как смертные построили первый маяк. Вода вокруг них вскипала от одной лишь первобытной мощи, а воздух над океаном начал скручиваться в пространственные воронки.

[ТАЙМЕР ОПЕРАТИВНОЙ ПАУЗЫ:]

[ДО ВХОЖДЕНИЯ ВТОРОЙ ВОЛНЫ («ПЕПЕЛЬНЫЕ ТИТАНЫ»):]

[00 : 07 : 45]

[00 : 07 : 44]...

Родион сплюнул сгусток черной крови на остекленевший парапет и криво усмехнулся потрескавшимися губами.

— Отбились? — негромко переспросил он Данилу, и его механический глаз с тихим щелчком переключился на режим спектрального сканирования дальних рубежей. — Нет, парень. Мы просто привлекли внимание тех, кто командует парадом.

Он повернулся к ошарашенному ученику и кивнул в сторону люка, ведущего в самые глубокие погреба маяка:

— Вставай, Данила. Бери тележку. В третьем арсенале, за бронедверью с тремя печатями, стоит ящик с надписью «Протокол Сверхновой». Волоки сюда изотопные стержни тяжелого бария. Раз уж оптика все равно идет трещинами... мы снимем все гребанные предохранители.

Глава 5. Пираты Мертвого Рифа

Тяжелые бронированные створки нижнего грузового люка с лязгом захлопнулись за спиной Данилы, отрезав гулкое эхо его торопливых шагов. Родион остался на продуваемой всеми ветрами верхней смотровой площадке наедине с шипящим прибором, запахом горелого камня и задыхающимся духом маяка.

Воздух в оптической клетке был настолько перенасыщен ионизированной плазмой, что волоски на предплечьях Смотрителя вставали дыбом, а во рту стоял стойкий, омерзительный привкус окислившейся меди и серы.

Люмен, мерцающая тусклым индиго, завис прямо перед треснувшей линзой Френеля. Тончайшие капилляры микротрещин, прошившие рубиновое тело главного фокусирующего кристалла, сочились жидким фотонным светом, капающим на полированный обсидиановый пол площадки. Каждая упавшая капля вспыхивала крошечной слепящей звездочкой и прожигала в камне неглубокую лунку.

— Он плачет, Родион... — жалобно трещал дух, и в его голосе звенели металлические обертоны погибающего механизма. — Сердечник стонет на частоте сорок четыре килогерца. Еще одно смещение по фазе — и резонанс разорвет первичный коллиматор в пыль! Мы потеряем геометрию луча! Ты понимаешь, что это значит для смотрителя девяносто первого ранга?! Это разжалование! Это стирание системной матрицы! Нас спишут в утиль, на корм глубоководным полипам!

— Заткнись, Люмен, — глухо бросил Родион, не поворачивая головы.

Его левая рука, упакованная в тяжелую перчатку из прорезиненной кожи глубоководного ската, уже легла на массивный латунный рычаг ручной юстировки зеркал. Металлический протез правого глаза с тихим, дробным стрекотом шестеренок непрерывно менял фокусное расстояние, накладывая на багровеющий горизонт сетку баллистических поправок, изолиний давления и плотности астрального эфира.

Перед мысленным взором висели системные строки, пульсирующие тревожным алым предупреждением:

[ТАЙМЕР ОПЕРАТИВНОЙ ПАУЗЫ:]

[ДО ВХОЖДЕНИЯ ВТОРОЙ ВОЛНЫ («ПЕПЕЛЬНЫЕ ТИТАНЫ»):]

[00 : 06 : 18]

[00 : 06 : 17]...

[СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ МАЯКА:]

[Целостность оптического тракта: 41.2%]

[Температура накопительных конденсаторов: 890 °C (КРИТИЧЕСКАЯ)]

[Остаточный заряд ядра «Сердце Бездны»: 18 400 / 120 000 ЕД]

[Внимание: Принудительный сброс охладителя привел к заклиниванию нижней кольцевой диафрагмы. Требуется ручная продувка.]

Шесть минут с копейками. Шесть минут до того момента, как чудовищные туши пепельных левиафанов, чьи багровые глазища уже испарывали плотную черную муть прилива, сомнут прибрежный шельф, как скорлупу гнилого ореха. Если Данила не успеет приволочь барьерные стержни, чтобы перезапустить реакцию распада в донных котлах, маяк даже не успеет зажечь предупредительный огонь. Их просто снесет гигантской волной из перетертых в прах душ и костей.

И в этот самый момент, когда каждая секунда стоила сотни жизней, акустические радары маяка зафиксировали низкочастотный, ритмичный стук.

Тук-тук-тук. Ш-ш-ш-у-ух.

Это был не хаотичный плеск волн Бездны и не тяжелые шаги шагающих донных тварей. Это был звук паровой поршневой машины, работающей на сырой нефти и алхимическом эфире, вперемешку со скрипом просмоленных дубовых шпангоутов.

Родион прищурил живой глаз, а искусственный окуляр хищно повернулся, переключаясь на десятикратное оптическое увеличение с поляризационным фильтром.

Из-за острых, похожих на гнилые клыки базальтовых скал Мертвого Рифа — гиблой зоны в трех кабельтовых к западу от основания утеса, куда никогда не совался ни один торговый клипер Империи — медленно, словно жирный черный слизень, выползал трехмачтовый корсарский бриг.

Корпус судна был обшит пластинами из чешуи черного кракена и полосами ржавого бронзового железа. Вместо аккуратных парусов на реях висели грубо сшитые полотнища из кожи гигантских скатов, густо исписанные флуоресцентными рунами сокрытия. На форштевне вместо традиционной резной девы скалилась ослабившаяся морда безглазого глубоководного угря, отлитая из потемневшей бронзы. Из двух толстых труб, торчавших позади грот-мачты, валил удушливый, жирный бурый дым, стлавшийся по самой воде.

Над грот-мачтой лениво полоскался выпел с изображением пробитого трезубцем человеческого черепа, из глазниц которого выползали щупальца.

[СИСТЕМНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ:]

[Объект: Рейдовый корсарский бронеприбор «Черный Наутилус»]

[Класс: Тяжелый рейдер Бездны / Оскверненный]

[Флагман берегового синдиката «Братство Мертвого Рифа»]

[Уровень угрозы: ВЫСОКИЙ (для стандартных гарнизонов III ранга)]

[Капитан: Морган «Костяная Челюсть» (Ур. 142, Корсар Бездны / Потрошитель Рифов)]

[Состояние корпуса: 94%]

[Вооружение: 24 бортовых орудия «Пеплодробитель» (калибр 180-мм), носовой таран из зачарованного метеорита, донные гарпунные лебедки.]

— Падальщики... — процедил Родион сквозь зубы. Кровь на его губах уже запеклась черной коркой, стягивая кожу. — Вонючие трупоеды.

— Они шли в кильватере первой волны! — взвизгнул Люмен, заметавшись внутри стеклянного купола. — Я чувствую экранирующие амулеты на их днище! Они использовали прилив как маскировку! Они думали, что первая волна сметет маяк, а они просто разграбят обломки и выковыряют рубиновый сердечник из наших мертвых тел!

Бриг не просто подошел ближе — он нагло лег в дрейф прямо напротив фронтального зеркала маяка, встав на якорь с широким разворотом левого борта. Створки пушечных портов с глухим стуком откинулись вверх, обнажив хищные жерла тяжелых орудий, выкованных из демонического чугуна. На палубе закопошились десятки фигурок в просмоленных куртках, костяных кирасах и медных полумасках, предохраняющих легкие от ядовитых испарений Пепельного Прилива.

На капитанский мостик «Черного Наутилуса», тяжело опираясь на парапет, поднялся человек невероятной ширины в плечах. На нем был длинный кожаный сюртук, подбитый мехом полярного волка, весь увешанный амулетами из акулиных зубов и тусклыми системными медалями за потопленные имперские транспорты. Вместо нижней челюсти у него блеснул сложный механический протез из полированного титана с клапанами для сброса пара, а в правой руке он держал массивную медную трубу корабельного рупора-резонатора.

В тишине над затихающим перед новой бурей морем раздался хриплый, многократно усиленный магией голос капитана Моргана. Он гремел так, словно исходил со дна медного котла:

— Эй, на башне! Слушай сюда, плесень гарнизонная! Мы видели твой салют! Хорошо жахнул, красиво! Только вот незадача: от твоего маяка теперь фонит так, будто ты в топку насрал и штаны забыл надеть!

На палубе брига раздался слаженный, мерзкий гогот десятков глоток. Морган сплюнул за борт струей темного табачного сока и сделал шаг вперед, оперевшись сапогом из драконьей кожи на фальшборт:

— Ты пуст, Смотритель! Мы считали твои импульсы! Твое стеклышко лопнуло, кристаллы выгорели, а накопители сосут морскую воду! Ты отбился от головастика, но через пять минут сюда придут папочки! И ты сдохнешь! Твой маяк рухнет в пучину, а твои кости обглодают крабы!

Родион медленно подошел к краю парапета, положив руку на холодный гранит ограждения. Он даже не достал свой штатный оптический визор. Его механический глаз неотрывно фиксировал показания встроенного дальномера:

[Дистанция до цели: 840 метров]

[Угол возвышения: -14.2 градуса]

[Скорость бокового ветра: 8.4 м/с, порывы до 12]

[Плотность тумана: 62%]

Морган продолжал вещать, упиваясь собственной властью и полной безнаказанностью:

— У тебя есть ровно один шанс не сдохнуть сегодня в собственной блевотине, служивый! Синдикат Мертвого Рифа делает тебе царское предложение! Спускай флаг Империи! Открывай донные ворота причала и глуши охранный контур! Мы загоняем «Наутилус» в твой сухой док под защиту скальных плит, заносим наши запасы, а маяк объявляем вольным бастионом корсаров! Мы укрепим стены, наведем порядок, а тебе... хе-хе... тебе, крыса казенная, мы даже сохраним жизнь! Будешь крутить нам вентили и протирать тряпочкой линзы за миску похлебки и кварту рома в неделю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.